Там, где ты

Автор:
Сесилия Ахерн

Там, где ты

Сесилия Ахерн

В детстве Сэнди Шорт не выносила, когда терялись вещи. Ей ничего не стоило потратить несколько дней на поиски невесть куда запропастившегося носка – к недоумению родителей, в конце концов настоявших, чтобы дочь начала посещать школьного психолога. Став взрослой, она поступает на работу в полицию, а потом открывает собственное агентство по розыску пропавших без вести людей. Расследование очередного дела приводит Сэнди в Лимерик, где ее следы теряются. Машина, брошенная на обочине вместе с важными документами и мобильным телефоном, выглядит более чем странно. Неужели Сэнди суждено повторить судьбу тех, кого она ищет?

Сесилия Ахерн

Там, где ты

Cecelia Ahern

A PLACE CALLED HERE

Copyright © 2006 by Cecelia Ahern

Originally published in UK by HarperCollins, 2006

© Добробабенко Н., 2008

© Черемных Н., дизайн обложки, 2011

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка

***

Дочь бывшего премьер-министра Ирландии Сесилия Ахерн – звезда европейского любовного романа, покорившая миллионы читателей по всей планете. Ее книги – супербестселлеры, переведенные почти на полсотни языков. Дебютный роман «P.S. Я люблю тебя» принес Сесилии мировую славу и лег в основу знаменитого голливудского фильма.

***

Тебе, папа, – со всей любовью.

Per ardua surgo[1 - Сквозь тернии пробьюсь и поднимусь (лат.), девиз семьи Ахерн.]

Глава первая

Дженни-Мэй Батлер – девочка, которая жила через дорогу от меня, – пропала, когда я была еще ребенком.

Полицейские открыли дело, и начались бесконечные поиски. Долгие месяцы сюжет не покидал вечерние новости и первые полосы газет, обсуждался в каждом разговоре. Вся страна горела желанием помочь – это был самый широкий розыск, о котором я за свои десять лет слышала. Казалось, событие задело абсолютно всех.

Дженни-Мэй Батлер – голубоглазая блондинка, просто куколка, сияла улыбкой с экранов телевизоров в каждой гостиной каждого дома страны. И у всех, кто видел ее, глаза наполнялись слезами, а родители, укладывая детей спать, обнимали их чуть крепче. Она всем снилась, и все за нее молились.

Ей, как и мне, было десять лет, и она училась в одном со мной классе. Я пристрастилась рассматривать ее красивое фото в ежедневных новостях и слушать журналистов, которые превозносили ее, будто она ангел. Послушать, как ее расписывали, никто бы не поверил, что в школьном дворе на переменах, стоило учительнице отвернуться, она кидалась камнями в Фиону Брэди. А меня обзывала «лохматой каланчой», причем непременно при Стивене Спенсере – чтобы он перестал обращать внимание на меня и влюбился в нее. Впрочем, не собираюсь разрушать иллюзию: ведь за несколько месяцев она превратилась в идеальное создание, и вскоре даже я не помнила обо всех гадостях, которые она вытворяла, потому что Дженни-Мэй из соседнего дома больше не существовало. Вместо нее на свет появилась Дженни-Мэй Батлер – прелестная девочка из хорошей семьи, которая пропала без вести и которую каждый вечер оплакивали в девятичасовых новостях.

Ее так никогда и не нашли – ни тела, ни следов, – словно она взяла и растворилась в прозрачном воздухе. Не было ничего – ни сомнительных типов, крутившихся поблизости, ни видеозаписей с камер наружного наблюдения, чтобы проследить за ее последними передвижениями. Свидетели, как и подозреваемые, отсутствовали, а ведь полицейские опросили всех, кого только можно. Наша улица пропиталась нехорошей атмосферой: по утрам, направляясь к своим автомобилям, ее обитатели обменивались дружескими приветствиями, но, думая о соседях, поневоле испытывали подозрения и, как ни старались, не могли скрыть их друг от друга. Субботними утрами, моя машины, подкрашивая штакетник заборов, сажая цветы на клумбах, подстригая газон, они нет-нет да и бросали на соседей косой взгляд, не в силах изгнать из головы дурные мысли.

Из-за этого они злились сами на себя – как ни крути, а эта история всем отравила мозги.

Но все эти многозначительные переглядывания за закрытыми дверьми семейных домов ничем не могли помочь полиции.

Мне всегда хотелось узнать, куда делась Дженни-Мэй, куда именно она исчезла и как это вообще человек может раствориться в прозрачном воздухе, чтобы никто ничего не заметил.

Ночью мне нравилось подходить к окну своей спальни и глазеть на ее дом. Свет над входной дверью всегда горел, словно маяк, который поможет Дженни-Мэй отыскать дорогу домой. Миссис Батлер совсем не могла спать, и, глядя в окно, я видела ее сидящей на краешке дивана, готовой в любой момент сорваться с места, словно при выстреле стартового пистолета. Она оставалась в гостиной, всматривалась в окно, будто напряженно ожидала, что кто-то сейчас позовет ее и сообщит какую-то новость. Иногда я махала ей рукой, и она грустно махала в ответ. Но большую часть времени она вообще ничего не видела из-за слез.

Как и миссис Батлер, я тоже грустила, не получая ответа ни на один вопрос. С тех пор как Дженни-Мэй Батлер исчезла, я любила ее гораздо больше, чем когда она была здесь, и это тоже будило мое любопытство. Я скучала по ней, точнее, по мысли о ней, меня интересовало, не находится ли она где-то неподалеку, швыряя камни в кого-нибудь другого и громко смеясь, а мы ее просто не видим и не слышим. После этого у меня появилась привычка искать свои потерянные вещи. Когда куда-то запропастилась пара моих любимых носков, я перевернула дом вверх дном, причем расстроенным родителям пришлось активно участвовать в мероприятии: теряясь в догадках, что бы это значило, они решили на всякий случай мне помочь.

Если найти пропажу так и не удавалось, я огорчалась. Если от целой пары – как с носками – находилась только половина, я все равно сердилась. И тогда мне хотелось взять и нарисовать Дженни-Мэй Батлер: как она швыряет камни и смеется – в моих любимых носках, разумеется.

Новые вещи меня не устраивали: уже в десять лет я была уверена, что заменить потерянное нельзя. Надо его найти.

Думаю, из-за потерявшихся носков я переживала ничуть не меньше, чем миссис Батлер из-за исчезнувшей дочери. Я тоже не спала ночами, задавая себе вопросы, на которые не находила ответа. Как только мои веки тяжелели, готовые закрыться, из глубин сознания на поверхность всплывал новый вопрос, заставляя их широко распахнуться. Целебный сон не мог дождаться своего часа, и каждое утро я вставала все более измученной, но отнюдь не поумневшей.

Возможно, именно потому все это со мной и случилось. Может, я столько лет выворачивала свою жизнь наизнанку, пытаясь найти самые разные вещи, что мысль о необходимости искать самое себя вылетела у меня из головы. Была упущена та точка моего пути, в которой следовало разобраться, кто я такая и где нахожусь.

Через двадцать четыре года после исчезновения Дженни-Мэй Батлер я тоже пропала без вести.

Вот моя история.

Глава вторая

Моя жизнь – сплошная ирония. И мое исчезновение стало всего лишь очередным пунктом в длинном списке насмешек, из которых она состоит.

Во-первых, во мне шесть футов один дюйм[2 - Один фут равен примерно 30,5 см, один дюйм – примерно 2,54 см.] росту. Даже в детстве я возвышалась над всеми. Я никогда не терялась в торговых центрах, как другие дети, и никогда не могла толком спрятаться во время игры; на дискотеке никто не приглашал меня, и я была единственной девочкой-подростком, которая не изводила родителей просьбами купить первые туфли на высоком каблуке. Излюбленным прозвищем – или, скажем, одним из десятка любимых, которыми меня награждала Дженни-Мэй Батлер, – было «каланча пожарная»: именно так она обращалась ко мне в присутствии своих друзей и поклонников. Я от нее много чего наслушалась, вы уж поверьте. Ну да, я из тех людей, кого за версту видно: на танцах – самая неуклюжая, в кино никто не хочет сидеть за мной, в магазинах вечная проблема – любые брюки мне коротки, на фотографиях всегда в заднем ряду. Видите, вот я торчу, как пугало посреди поля. Все, кто проходит мимо, замечают и

запоминают меня. И, несмотря на все это, я пропала. Что уж тут пара носков или даже сама Дженни-Мэй Батлер, если такая дылда вдруг исчезла, не оставив следа. Моя собственная тайна оказалась круче всех остальных.

Вторая ирония судьбы заключается в том, что моя работа – это розыск людей, пропавших без вести. Много лет я прослужила в гарда шихана[3 - Гарда шихана – ирландская полиция.]. При этом хотела заниматься только исчезновениями, но не попала в нужный отдел, так что мне оставалось рассчитывать на «удачу» – вдруг случайно подвернется такое дело. Как видите, история Дженни-Мэй Батлер действительно что-то такое со мной сотворила. Я нуждалась в ответах и хотела находить их самостоятельно. Полагаю, поиски стали моей навязчивой идеей. Я так усердно гонялась за разгадкой многочисленных чужих проблем, что в какой-то момент меня, похоже, перестало интересовать, что происходит в моей собственной голове.

В полиции мы иногда находили пропавших без вести в таком виде, что я не забуду их в этой жизни и долго буду помнить в следующей. А еще встречались те, кто просто не хотел, чтобы их нашли. Порой мы отыскивали только какие-то следы, еще чаще не было даже их. Случалось, мне приходилось выходить далеко за рамки служебных обязанностей. Некоторые дела я продолжала расследовать после того, как они были закрыты, и посвящала им значительно больше времени, чем положено, поддерживала отношения с семьями пропавших. Я не могла перейти к следующему делу, не разрешив предыдущего, не добившись результата, а он сводился в основном к бумажной работе и почти не предполагал реальных действий. В общем, я окончательно поняла, что сердце у меня лежит только к поиску тех, кто исчез, и потому ушла из полиции и начала самостоятельно разыскивать людей.

Вы не представляете, как много таких, как я, кто хочет этим заниматься. Родственники пропавших всегда интересовались, зачем мне это нужно. У них-то были свои причины – душевная привязанность, любовь к исчезнувшему, тогда как скудные размеры моих гонораров не могли служить объяснением. Но если причина не в деньгах, то в чем же? Я полагаю, мной двигало стремление к внутреннему спокойствию. Мой собственный способ помочь себе спать по ночам, научить глаза закрываться.

Как человек вроде меня, с моей внешностью и характером, может пропасть без вести?

Только сейчас поняла, что забыла сказать, как меня зовут. Мое имя – Сэнди Шорт[4 - Сэнди Шорт: имя можно перевести как «рыжеволосая», фамилию – как «коротышка».]. Все в порядке, можете смеяться, я же знаю, вам хочется. Я бы и сама посмеялась, если бы все не было так чертовски грустно. Родители назвали меня Сэнди, потому что я появилась на свет с клоком рыжих волос. К сожалению, они не знали, что со временем мои волосы потемнеют и станут цвета воронова крыла. Они также не предусмотрели, что хорошенькие толстенькие ножки скоро утратят умильную пухлость и начнут расти так быстро и дорастут до таких размеров. В общем, меня зовут Сэнди Шорт. Теоретически я и должна быть миниатюрной и рыжеволосой – такую этикетку прилепили ко мне на веки вечные, ну а в результате я стала такой, какой стала. И это противоречие часто вызывает хохот у людей, с которыми меня знакомят. Извините, если мне не удалось выдавить из себя улыбку. Но, знаете, это совсем не смешно – исчезнуть. С другой стороны, я поняла: когда пропадаешь, ничего особенного не происходит. Я и сейчас занимаюсь тем, что делала, когда работала. Ищу. Только в данном случае я пытаюсь отыскать путь, чтобы вернуться.

И еще одну вещь я узнала и не могу не поделиться открытием: с момента пропажи моя жизнь очень сильно изменилась – впервые я хочу вернуться домой.

Самое неподходящее время, чтобы осознать это. И самая жестокая ирония судьбы.

Глава третья

Я родилась и выросла в Литриме, самом крохотном графстве Ирландии с населением всего 25 тысяч человек. В городке Литрим, когда-то столице графства, есть развалины замка и еще нескольких старинных зданий, однако сам он потерял былое величие и превратился в обычный поселок. Здешний ландшафт – это поросшие кустарником бурые холмы и величественные горы с провалами долин и бесчисленными живописными озерами. Впрочем, когда попадаешь на двухмильное побережье залива Донегол, Литрим трудно принять за тихую заводь: на западе он граничит со Слайго и Роскоммоном, на юге – с Роскоммоном и Лонгфордом, на востоке – с Каваном и Ферманой, а на севере – с Донеголом. В этих местах меня всегда охватывает клаустрофобия и

непреодолимое желание вернуться на твердую землю.

Есть одна поговорка про Литрим: говорят, самое лучшее в нем – это дорога в Дублин. Я окончила школу в семнадцать, тут же подала заявление о приеме в гарда шихана и, соответственно, очутилась на той самой дороге в Дублин. С тех пор мне редко доводилось двигаться по ней в обратном направлении. Обычно раз в два месяца я навещала родителей в их домике с тремя спальнями и терраской, в тупичке на двенадцать домов, где выросла. Я намеревалась погостить у них с неделю, но меня редко хватало больше чем на день, и под предлогом неожиданно свалившейся срочной работы я хватала свою так и не распакованную сумку, выскакивала из дома и мчалась, мчалась, мчалась – как можно быстрее – по лучшей дороге, которая ведет из Литрима.

С родителями у меня неплохие отношения. Они всегда стараются поддержать меня, всегда готовы принять огонь на себя, преодолеть любые препятствия и вскарабкаться на самые высокие горы, если это требуется для моего счастья. Суть в том, что мне с ними всегда неловко. В их глазах я читаю то, что они видят, и мне это не нравится. Родительские лица отражают меня лучше, чем любое зеркало. Есть люди, которым это удается: они смотрят на вас и тем самым дают вам понять, как вы себя ведете. Думаю, у родителей это получается, потому что они любят меня, но я не могла проводить много времени с любящими меня людьми – из-за этих глаз и того, что в них отражалось.

Уже когда мне было десять, они ходили вокруг на цыпочках, озабоченно косясь на меня. Их притворные разговоры и фальшивые улыбки мелькали во всех уголках дома. Им хотелось отвлечь меня, сделать домашнюю атмосферу легкой и нормальной, но всякий раз я отчетливо ощущала их усилия, и это только укрепляло меня в мысли, будто что-то идет не так.

Родители всегда поддерживали меня и любили, во время очередных мучительных поисков они едва не выворачивали наизнанку дом и никогда не сдавались без упорной борьбы. Молоко и печенье на кухонном столе, тихо бормочущее радио для постоянного звукового фона, включенная стиральная машина, – и все это, чтобы разрушить некомфортную тишину.

Мама старалась подарить мне улыбку – ту самую улыбку, которая никогда не достигала ее глаз, но всегда сжимала зубы, заставляла скрипеть ими, когда ей казалось, будто я на нее не гляжу. В голосе звучала натужная легкость, на лице застывала фальшивая гримаса счастья, она наклоняла голову набок,

притворялась, будто и не собирается изучать меня, и произносила:

– Зачем тебе снова обыскивать весь дом, милая?

Она всегда называла меня «милой», словно знала не хуже моего, что я такая же Сэнди Шорт, как Дженни-Мэй Батлер – ангел.

Какой бы шум она ни поднимала на кухне и какую бурную деятельность ни разводила, все равно ничто не спасало от тишины, которая затопляла весь дом.

– Потому что я не могу их найти, мама, – отвечала я.

– А от какой они пары? – Легкая улыбка, желание притвориться, будто это просто болтовня, а не отчаянная попытка провести расследование, чтобы понять, как работает моя голова.

– Голубые с белыми полосками, – говорю я, например.

Я всегда предпочитала яркие носки – яркие и легко узнаваемые, – чтобы их было легче найти.

– Хорошо. А может быть, ты не оба носка положила в корзину для грязного белья, милая?! Может, один остался у тебя в комнате? – Она улыбается, стараясь скрыть беспокойство, шумно сглатывает.

Я качаю головой:

– Нет, я бросила в корзину оба носка! И я видела, как ты оба сунула в стиральную машину. А теперь здесь только один, а второго нет – ни в машине, ни в корзине.

План, предусматривавший включение стиральной машины ради звукового фона, провалился: она оказалась в центре внимания. Мама пытается сохранить спокойную улыбку при виде перевернутой бельевой корзины: все тщательно разобранные вещи теперь громоздятся на кухонном полу неопрятной кучей. На какую-то долю секунды старательно удерживаемый фасад рушится. Я могла бы и не заметить этого, но вовремя посмотрела на нее и успела перехватить взгляд,

который она бросила на гору белья. В глазах у нее страх. Не за пропавший носок, а за меня. Она быстренько приклеила улыбку на место и пожала плечами – все это ерунда.

– Может, его унесло сквозняком? Дверь во двор была открыта.

Я снова качаю головой.

– Или он выпал из корзины, когда я ее передвигала.

Я упорно качаю головой.

Она опять сглатывает слюну, и ее улыбка делается напряженной.

– Может, он запутался в пододеяльнике. Они такие большие, никогда не знаешь, что в нем застрянет…

– Я уже проверяла.

Она берет печенье с тарелки посреди стола и впивается в него зубами, словно стараясь удержать на лице улыбку, которая стремительно исчезает, сменяясь страдальческим выражением. Жует печенье и изображает, что ни о чем таком не думает, а просто слушает радио и напевает песенку, которую, кстати, не знает. И все ради того, чтобы убедить меня: волноваться не о чем.

– Милая, – вздыхает она. – Ты же знаешь, вещи иногда пропадают.

– А куда они деваются, когда пропадают?

– Они никуда не деваются, – улыбается она. – Они всегда остаются там, куда мы бросили их или где оставили. Просто мы ищем не там, где надо, и потому не можем их найти.

– Но я смотрела везде, мама. Я всегда так делаю.

Да, я искала всюду, как обычно. Все вывернула наизнанку, в нашем маленьком доме не осталось места, которое бы я не проверила.

– Носок не может просто встать и уйти, если в нем нет ноги, – с фальшивой улыбкой говорит мама.

Вот-вот, именно так обычно поступает большинство людей. Они перестают интересоваться пропажей и прекращают поиск. Ты не можешь чего-то найти, знаешь, что оно где-то лежит, но не знаешь где, хотя всюду проверил. И ты списываешь все на собственную глупость, ругаешь себя за рассеянность и, возможно, даже забываешь о потере. Так поступает большинство. А у меня не получается.

Помню, папа вернулся тем вечером с работы в дом, который был буквально поставлен с ног на голову.

– Ты что-то потеряла, родная?

– Голубой носок с белыми полосками, – услышал он мой приглушенный ответ из-под дивана.

– Опять только один?

Я кивнула.

– Левый или правый?

– Левый.

– Ладно, сейчас посмотрю наверху. – Он повесил пальто на крючок у двери, поставил зонтик в стойку, нежно поцеловал свою взволнованную супругу в щеку и ободряюще шлепнул ее по попе, а потом поднялся наверх. Поиски в родительской спальне продолжались два часа, но никаких звуков оттуда не доносилось. А когда я заглянула в замочную скважину, то увидела его лежащим в постели с глазами прикрытыми полотенцем.

Когда через несколько лет я приезжала домой, они всегда задавали одинаковые, ничего не значащие вопросы, объективно вовсе не навязчивые, однако мне, уже привыкшей быть постоянно настороже, казавшиеся именно такими.

Случались ли на работе какие-нибудь интересные дела? Что там, в Дублине происходит? Как твоя квартира? А молодой человек не появился?

У меня никогда не было никаких молодых людей: зачем мне еще одна пара глаз, столь же выразительных, как у родителей, которые будут следить за мной дни напролет. Я предпочитала любовников и поклонников, бойфрендов, мужчин-друзей и приятелей на одну ночь. Я перепробовала разные варианты и окончательно поняла: ничего долговременного у меня не получится. Не смогу я поддерживать близкие отношения, долго любить человека, давать ему то, чего он ожидает, или многого хотеть от него. Я не нуждалась ни в чем из того, что все эти мужчины могли мне предложить, а они не понимали, чего хочу я. И потому, натянуто улыбаясь, я отвечала родителям, что с работой все в порядке, Дублин – город шумный, квартира у меня прекрасная, а молодого человека как не было, так и нет.

И всякий раз, когда я покидала дом, даже после совсем укороченного визита, папа гордо заявлял, что его дочь – это и есть самое лучшее, что создал Литрим.

Литрим ни в чем не виноват, как и мои родители. Они так поддерживали меня, но я только сейчас это поняла. И только сейчас начинаю осознавать, что это понимание еще больше печалит меня, чем невозможность когда-либо что-либо найти.

Глава четвертая

Пропав без вести, Дженни-Мэй Батлер не отказала себе в последнем свинстве: она унесла с собой кусочек меня. Думаю, вместе с ней испарилась и часть меня. И чем старше и выше я становилась, тем больше растягивалась эта дыра внутри, чтобы в конце концов выглянуть из моей взрослой жизни, словно широко раскрытый глаз над жабрами снулой рыбы, лежащей на слое льда. Но как мне удалось потеряться физически? Как я попала сюда? И первый вопрос, он же самый главный: где я в данный момент нахожусь?

Я очутилась здесь, и это все, что мне известно.

Оглядываюсь по сторонам, ищу что-нибудь привычное. Все время пытаюсь найти дорогу, по которой смогу выйти отсюда, но здесь нет никаких дорог. А где это – здесь? Хотела бы я знать. Все вокруг завалено личными вещами: ключи от машин и от дома, сотовые телефоны, дамские сумочки, пальто, чемоданы с бирками аэропортов, башмаки то на правую, то на левую ногу, папки с документами, фотографии, открывалки для консервных банок, ножницы, серьги в куче других потерянных предметов, которые время от времени поблескивают в лучах света. И носки, много разномастных непарных носков. Всюду, где я прохожу, мне на глаза попадается множество вещей, которые кто-то по-прежнему упорно разыскивает.

Есть здесь и животные. Много кошек и собак с печальными мордочками и блестящими глазами, утративших всякое сходство со своими фотографиями, пришпиленными к столбам в маленьких городках. И никакие вознаграждения не вернут их домой.

Как мне описать то, куда я угодила? Это такое промежуточное место. Словно огромный коридор, который никуда не ведет, или банкетный зал после торжественного ужина, с которого все уже ушли, или спортивная команда, ни один из участников которой никогда не попадал в сборную, или мать без ребенка, или тело без души. Это как бы почти что здесь, но не совсем. Место, под завязку забитое чьими-то вещами, но при этом пустое, потому что людей, которым они принадлежат, здесь нет и некому эти вещи любить.

Как я сюда попала? Похоже, стала одной из пропавших любительниц утренних пробежек. Очень трогательно. Я привыкла смотреть все эти триллеры категории В и ворчать при виде титров на фоне утреннего места преступления с убитой спортсменкой. Я всегда думала: как это глупо – бегать по темным аллеям парков, ночью или ранним утром, когда вокруг никого, в особенности если известно, что в здешних краях орудует серийный убийца. И надо же, чтобы такое случилось именно со мной. Теперь я оказалась в роли этой трогательной, наивной бегуньи в сером спортивном костюме, с громкой музыкой в наушниках и вполне предсказуемой судьбой, этой дурочки, которая знай себе трусит спозаранку вдоль канала. Правда, меня никто не похищал – я просто очутилась не на той дорожке.

Я мчалась вдоль устья реки, как всегда, сильно ударяя ногами о землю и ощущая вибрацию, передающуюся всему телу. Помню, что чувствовала капли пота на лбу, груди и спине и слегка вздрагивала от прохладного ветра. Всякий раз, как в памяти всплывает это утро, мне приходится бороться с сильным желанием встряхнуться и напомнить себе, что я не имею права повторять ошибку. Иногда, в более удачные дни, я снова представляю себя на той дорожке, и мне кажется, будто на этот раз удастся все сделать правильно. Как часто нам хочется вернуться на то же самое место…

Было яркое летнее утро, пять сорок пять, тишину нарушала лишь мелодия rocky, которая подстегивала меня. Я не слышала своего дыхания, но знала, что дышу тяжело. Однако, как обычно в подобных ситуациях, все подгоняла и подгоняла себя. Едва почувствовав, что пора остановиться, сразу же заставляла себя бежать быстрее. Не знаю, что это было – потребность в ежедневном наказании или проявление той стороны моей личности, которая всегда стремилась узнавать что-то новое, открывать незнакомые места, вынуждая тело добиваться все более высоких результатов.

Возле темной массы зелено-белой дамбы во множестве росли водяные фиалки, корнями уходящие в реку. Я вспомнила, как девочкой – долговязой и черноволосой – стеснялась своего противоречащего внешности имени, и папа мне сказал: смотри, водяная фиалка тоже неправильно называется, потому что она вовсе не фиолетовая. На самом деле она сиренево-розовая, с желтой сердцевиной, но ведь все равно очень красивая, разве нет? И разве теперь тебе не хочется улыбнуться? Конечно нет, покачала я головой. Углядев их на этот раз издалека и приближаясь к ним, я все время повторяла про себя: уж мне-то известно, как вы себя чувствуете. На бегу я почувствовала, как часы соскользнули с запястья и упали где-то под деревьями, слева от дорожки. Защелка сломалась в первый же день, когда я надела часы, и с тех пор регулярно расстегивалась сама собой, а часы сваливались с руки. Я остановилась, вернулась назад и нашла их на влажной насыпи дамбы. Потом прислонилась спиной к шершавому, покрытому темно-коричневой корой стволу ольхи и, переводя дух, вдруг заметила слева узкую тропинку. Она не казалась особо привлекательной, ничем не манила, однако тут включился мой исследовательский инстинкт. Надо бы выяснить, куда она ведет, шептал он мне.

Тропинка привела меня сюда.

Я бежала так быстро и убежала так далеко, что все песни в моем плеере закончились. Осмотревшись вокруг в наступившей тишине, я не узнала ландшафт. Меня окутывал густой туман, и находилась я высоко, на чем-то, похожем на гору, поросшую соснами. Деревья стояли, вытянувшись в струнку, ощетинившись иглами, словно готовые защищаться ежи. Я медленно сняла наушники. Мое прерывистое дыхание эхом отдавалось в величественных горах, и я сразу же поняла, что уже не в крохотном городке под названием Глайн. И даже больше не в Ирландии.

Я была именно здесь. Все это случилось день назад, и я все еще здесь.

Вообще-то розыск – моя работа, и мне известно, как это делается. Я – женщина, которая сама собирает вещи и никому не докладывает, куда она отправилась на целую неделю своей жизни. Я постоянно исчезаю, все время теряю контакты, никто не следит за мной, и мне все это нравится. Нравится приходить и уходить, когда захочется. Я много разъезжаю – посещаю разные места, где пропавших без вести видели в последний раз, расспрашиваю людей – одним словом, веду следствие. Вся проблема в том, что в этот городок я приехала только сегодня утром, сразу же направилась к устью Шеннона и начала пробежку. Ни с кем еще не разговаривала, не зарегистрировалась в здешней гостинице и не прошлась по оживленной центральной улице. Я уверена, полиция откажется открывать дело: просто я стану еще одним человеком, который взял и ушел, и не хочет, чтобы его отыскали. Такое случается сплошь и рядом, и на этот раз они, скорее всего, будут правы.

Мое исчезновение, безусловно, принадлежит к той категории, когда нет видимой опасности ни для самого пропавшего, ни для общества: такое, например, бывает с людьми от восемнадцати и старше, решившими начать новую жизнь. Мне тридцать четыре, и окружающие наверняка подумают, что я уже давно задумала куда-нибудь сбежать.

Все это означает только одно: в данный момент никто не собирается меня искать.

Сколько это продлится? Что произойдет, когда они найдут на берегу канала побитый красный «форд-фиеста» 1991 года выпуска, в его багажнике – сумку с вещами, в бардачке – папку с документами по делу о пропавшем, а на переднем сиденье – стаканчик остывшего кофе, к которому никто не притронулся, и мобильный телефон – возможно, с пропущенными вызовами?

И что тогда?

Глава пятая

Стоп. Минуточку.

Кофе. Я вдруг вспомнила о кофе.

По пути из Дублина я остановилась возле закрытой заправки, чтобы купить кофе в автомате на улице, и он меня увидел. Он был там, во дворе, накачивал шины – и заметил меня.

Это произошло в совершенно незапоминающемся месте, где-то в сельской местности, в пять пятнадцать утра, когда птицы пели, а коровы мычали так громко, что мне с трудом удавалось расслышать собственные мысли. Вокруг стоял густой запах навоза, слегка подслащенный ароматом жимолости, растворенным в легком утреннем бризе.

Мы с этим незнакомцем очутились страшно далеко от чего бы то ни было – и одновременно в самом центре чего-то. И он, и я были полностью выключены из жизни, и этого хватило, чтобы наши взгляды встретились и мы ощутили некоторую связь.

Высокий, хоть и не такой, как я: таких не бывает. Пять футов одиннадцать дюймов, круглое лицо, красные щеки, светло-рыжие волосы и ярко-голубые глаза, которые, как мне почудилось, я уже где-то видела. В этот ранний час в них светилась усталость. На нем были вытертые джинсы и мятая хлопковая сорочка в белую и голубую клетку. Волосы растрепаны, щеки небриты. Плюс изрядный живот – свидетельство прожитых лет. Я поняла, что ему хорошо за тридцать, может, ближе к сорока, хотя выглядел он еще старше из-за глубоких морщин, перечеркнувших лоб и собравшихся возле губ. От него исходило ощущение печали, так что вряд ли эти морщины появились из-за того, что он слишком часто улыбался. В его еще густой шевелюре, на висках, пробивалось немного седины – видно, совсем недавно жизнь изрядно его приложила. Несмотря на лишний вес, в нем угадывалась сила. Этот человек явно много

занимался физическим трудом, – мою догадку подтверждали высокие рабочие ботинки. Крупные руки с обветренными ладонями тоже казались мускулистыми. Я заметила, как при напряжении на них надуваются вены. Когда он вынимал насос из футляра, из-под небрежно закатанных рукавов рубашки выглянули накачанные бицепсы. Однако сейчас он ехал не на работу: не та одежда, не мог он работать в такой сорочке. Для него это выходной наряд.

Возвращаясь к своей машине, я продолжала рассматривать его.

– Извините, вы что-то уронили, – бросил он мне в спину, когда я миновала его.

Я остановилась и оглянулась. На асфальте лежали мои часы, серебром посверкивая на солнце. Проклятые часы, пробормотала я, проверяя, не сломались ли они.

– Спасибо, – улыбнулась я и застегнула браслет на запястье.

– Не за что. Славный денек, правда?!

Голос тоже знакомый, не только глаза. Я пригляделась к нему. Может, мы с этим парнем когда-нибудь встречались в баре или на пьяной вечеринке? Может, это бывший любовник? Или коллега, клиент, сосед? Или одноклассник? Я мысленно пробежалась по списку возможных вариантов. Никто не подошел. Но если он и не был моим компаньоном по прошлым загулам, я бы с удовольствием выбрала его на эту роль в будущем, подумалось мне.

– Классный, – вернула я ему улыбку.

Брови его в удивлении поползли вверх, потом вернулись на место. Когда до него дошло, что я говорю не о погоде, а делаю ему комплимент, лицо у него расплылось от удовольствия. Можно было бы еще постоять и, чем черт не шутит, договориться о будущем свидании, однако впереди меня ждала встреча с Джеком Раттлом, славным человеком, которому я обещала помочь. На встречу с ним я как раз и ехала из Дублина в Лимерик.

Ох, пожалуйста, красивый парень с бензозаправки, встреченный утром, вспомни обо мне, побеспокойся, поищи, найди меня!

Да, знаю, снова ирония судьбы. Я – и вдруг заинтересовалась каким-то мужчиной? Мои родители безумно обрадовались бы, узнав об этом.

Глава шестая

Джек Раттл медленно ехал вдоль побережья за грузовиком по дороге № 69, которая вела из Норт-Керри к его дому в Фойнсе, маленьком городке графства Лимерик, расположенном в получасе езды от столицы. Было пять утра, когда он вырулил на единственную дорогу к Шеннон-Фойнс-Порт, единственному морскому порту Лимерика. Показания спидометра побудили его послать телепатический сигнал водителю грузовика, чтобы тот прибавил скорость. Сам Джек вцепился в руль так, что у него побелели костяшки пальцев. Наплевав на рекомендации стоматолога, которого только накануне посетил в Трали, он заскрипел зубами. Из-за этой привычки задние зубы у него почти стерлись, десны вечно были воспаленными, а во рту постоянно что-то дергало и ныло. Припухшая красная челюсть и усталые глаза – чем не идеальное сочетание? Поздно вечером он вдруг вскочил с кушетки одного своего приятеля из Трали, у которого собирался переночевать, и решил сразу возвращаться домой. В последние дни со сном у него были проблемы.

– У вас стресс? – спросил дантист, заглянув Джеку в рот.

Джек, сидевший с открытым ртом, проглотил слюну и поборол жгучее желание сомкнуть зубы на белом пальце врача. В данном случае слово «стресс» ничего не означало.

Брат Джека Донал исчез в свой двадцать четвертый день рождения, после многочасового вечернего празднования с друзьями в Лимерике. Поужинав жареной картошкой и бургерами в фастфудовой забегаловке, брат распрощался с приятелями и ушел. В кафе было слишком много народу, чтобы там заметили, как кто-то входит или выходит, а четверо друзей слишком набрались и зациклились на поиске подружки на ночь, чтобы обратить внимание на Донала.

Камера слежения зафиксировала, как он снимал 30 евро в банкомате на О

Коннел-стрит в 3.08 ночи с пятницы на субботу, потом – как он брел в направлении набережной Артура. С этого момента его след терялся. Все выглядело так, будто ноги его покинули землю, и он вознесся к небесам. Джек был готов к тому, что в определенном смысле так все и случилось. Он знал, что смог бы смириться со смертью брата, но только при условии, что она будет подтверждена хоть одним реальным фактом.

Именно неизвестность терзала его, а беспокойство и страх не давали уснуть по ночам. Да еще неубедительные результаты полицейского расследования, подталкивавшие к самостоятельному продолжению поисков. Джек совместил визит к стоматологу в Трали с посещением одного из друзей Донала, который оставался с ним накануне исчезновения. Как и вся остальная компания, гулявшая в тот вечер, этот парень вызывал у Джека смешанные чувства. Ему хотелось и накричать на него, и утешить – ведь тот потерял друга. Вообще-то Джек вовсе не стремился снова его видеть, однако боялся упустить пусть и минимальный, но все же шанс – а вдруг приятель сначала забыл, а потом вспомнил нечто, что может оказаться ключом к загадке исчезновения брата.

Он не спал сутками, изучал карты, перечитывал отчеты, по многу раз перепроверял последовательность событий и показания свидетелей, а рядом с ним тихо и нежно дышала Глория, грудь которой медленно вздымалась и опускалась, а беззвучное дыхание заставляло время от времени шевелиться листы документов, словно ее сонный мир потихоньку прокрадывался в его бодрствование.

Глория, которая была девушкой Джека уже восемь лет, никогда не страдала бессонницей. Она спокойно засыпала каждую ночь, пока его одолевали самые мрачные мысли. И видела сны, и продолжала надеяться на завтрашние добрые вести.

Вечером того дня, когда они впервые заволновались из-за четырехдневного молчания Донала и несколько часов просидели в полицейском участке, она заснула как ни в чем не бывало. И после того как полицейские целый день обшаривали реку в поисках его тела, погрузилась в глубокий сон. Сладко спала, утомившись многочасовым хождением по городу, когда они расклеивали фотографии Донала в витринах магазинов, на досках объявлений в супермаркетах и на фонарных столбах. В ту ночь, когда им сообщили, что его тело найдено на выезде из города, и на следующую – когда выяснилось, что это не он, ничто не помешало ей провалиться в блаженное забытье. Она проспала

всю ночь, когда полицейские после нескольких месяцев поисков сказали, что больше ничего нельзя сделать. Сон пришел к ней и в ночь похорон его матери, после того как в ее присутствии гроб опустили в землю, где безутешная вдова смогла наконец встретиться со своим супругом, без которого прожила в горе долгих двадцать лет.

Джек не мог не испытывать разочарования, хоть и знал, что веки Глории смыкаются вовсе не от равнодушия. Он был в этом уверен, потому что, когда они в участке в первый раз отвечали на нескончаемые вопросы полицейских, она держала его за руку. И, несмотря на ветер и дождь, стояла рядом с ним, когда он смотрел, как водолазы выныривают на поверхность серой, мрачной реки, и лица у них при этом еще угрюмее, чем до погружения. Она помогала ему расклеивать объявления о Донале на витринах и столбах. И крепко обнимала, когда он плакал, потому что полицейские перестали искать Донала, и стояла в первом ряду в церкви, дожидаясь его, пока он с другими мужчинами нес гроб с телом матери к алтарю.

Она, конечно, сочувствовала ему, но все равно на протяжении года продолжала спать каждую ночь, в самые долгие часы его жизни. В часы, когда Джек страдал, Глория крепко спала и потому никак не могла ему сопереживать. И каждую ночь он замечал, как увеличивается расстояние, отделяющее ее мир от его мира.

Он не поставил ее в известность о том, что нашел в «Желтых страницах» женщину по имени Сэнди Шорт из агентства, занимающегося розыском пропавших без вести. Не сообщил, что позвонил ей. Не пересказал беседы, которые всю последнюю неделю вел с ней по ночам. Не поделился чувством надежды, пробужденным решимостью и верой этой женщины, которое наполнило его сердце и мысли.

И Джек не предупредил ее, что они договорились встретиться сегодня в ближайшем городке, потому что… В общем, потому что Глория по ночам спала.

Джеку в конце концов удалось обогнать вереницу длинных грузовиков, и, приближаясь к городу, он обнаружил, что его старый, двадцатилетний проржавевший «нисан» остался один на спокойной в этот час деревенской дороге. Внутри автомобиля стояла тишина. В последний год посторонние шумы стали для Джека нестерпимыми: звуки телепередачи или радио отвлекали от

непрерывного поиска ответов на вопросы. В его собственной голове царил непрекращающийся шум: крики, стоны, без конца повторяющиеся обрывки каких-то разговоров, воображаемые будущие беседы, – все это вязко бултыхалось в его мозгах, словно жирная муха, завязшая в банке с вареньем.

Ревел мотор автомобиля, дребезжал металл, колеса пересчитывали каждую выбоину и, выскочив из нее, ударялись о поверхность дороги. Тишину кабины нарушало лишь гулкое столкновение мыслей, стучавших в голове Джека, а тишину пейзажа – дребезжание его машины. Часы показывали пять пятнадцать солнечного воскресного июльского утра, и он решил, что пора остановиться: глотнуть немного воздуха, дать продышаться легким и сменить спустившее переднее колесо.

Он подрулил к пустой автозаправке, еще закрытой в этот ранний час, и припарковался возле колонки. Позволил пению птиц заполнить голову и выбросил из нее все мысли на то время, пока закатывал рукава сорочки и разминал ноги, затекшие от долгой неподвижности. Мушиный звон страхов и сомнений ненадолго смолк.

Какая-то машина подъехала и остановилась неподалеку от него. В этом районе жило так мало людей, что машина чужака легко узнавалась за версту. Да и дублинский номерной знак подтверждал догадку… Первыми из маленького побитого автомобиля показались две длинных ноги в серых обтягивающих брюках, за ними – туловище, тоже длинное. Джек перестал пялиться, но краем глаза все же наблюдал за женщиной с черными кудрявыми волосами, которая широкими шагами направилась к автомату с кофе, стоявшему рядом с дверью закрытой станции. Он удивился, как это при таком росте она помещается в такой крошечной машине. Потом увидел, как что-то упало у нее с руки, и услышал звяканье металла.

– Извините, вы что-то уронили, – обратился он к женщине.

Она смущенно оглянулась и вернулась туда, где на земле блестел металл.

– Спасибо, – поблагодарила она, надевая на запястье не то браслет, не то часы.

– Не за что. Славный денек, правда? – Джек почувствовал, как болезненно напряглись мышцы щек, когда он попытался растянуть их в улыбке.

Ее зеленые глаза вспыхнули, словно изумруды, на фоне белоснежной кожи и засверкали, когда на них попал поток солнечных лучей, пробившихся сквозь листву высоких деревьев. Черные как смоль кудри шаловливо выплясывали вокруг лица, открывая одни его черты и скрывая другие. Она осмотрела Джека с ног до головы, словно пристально изучая каждый дюйм. Затем приподняла одну бровь.

– Классный, – ответила она, вернув ему улыбку.

А потом она сама, ее черные как смоль кудри, пластиковый стаканчик с кофе, ноги и все остальное исчезли в автомобильчике, словно муха в клюве мухоловки.

Наблюдая, как удаляется «форд-фиеста», Джек подумал, что хорошо бы она еще осталась здесь, и в очередной раз поймал себя на мысли, что отношения между ним и Глорией совершенно изменились, а может, это изменилось его чувство к ней. Но сейчас ему некогда размышлять об этом. Он вернулся к машине и стал просматривать бумаги, готовясь к сегодняшней встрече с Сэнди Шорт.

Джек не был религиозен. В церковь он не заглядывал уже лет двадцать, но за последние двенадцать месяцев молился трижды. Один раз за то, чтобы поиски тела Донала в реке оказались безрезультатными, второй – чтобы найденный в переулке труп оказался кем угодно, только не его братом, и в третий – за мать, чтобы она пережила свое второе за шесть лет потрясение. Две из трех его молитв были услышаны.

Сегодня он снова помолился, в четвертый раз. За то, чтобы Сэнди Шорт забрала его оттуда, где он очутился, и чтобы она наконец-то отыскала ответы, в которых он так нуждался.

Глава седьмая

Лампа над крыльцом все еще горела, когда Джек вернулся. Он настоял, чтобы свет всегда оставляли на ночь для Донала – пусть он будет маяком, который приведет брата домой. Теперь, когда на улице стало светло, Джек выключил лампу и прошел по дому тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить Глорию,

которая воскресным утром нежилась в постели. Порывшись в корзине для грязного белья, он вытащил наименее мятую вещь, которую удалось отыскать, и быстро переоделся из одной клетчатой сорочки в другую. Не стал мыться, чтобы электрический душ и вентилятор у потолка ванной комнаты не разбудили Глорию. Даже не спустил воду в туалете. Он знал, что такое поведение вызвано вовсе не избытком благородства, и даже чувствовал стыд, потому что причина была прямо противоположной. Джек сознательно хранил в секрете от Глории и остальных членов семьи свою встречу с Сэнди Шорт.

Это делалось в равной мере и для них, и для него самого. В глубине души они уже смирились с утратой и потихоньку возвращались к привычной жизни. Делали все возможное, чтобы забыть ужасное потрясение: ведь за год они потеряли даже не одного, а сразу двух членов семьи. Джек понимал их, знал, что они уже больше не могут отпрашиваться с работы, видел, как улыбки сочувствия сменяются будничными приветствиями, а разговоры с соседями возвращаются в привычное русло. Подумать только, окружающие опять стали болтать о самых разных вещах, вместо того чтобы задавать вопросы или что-то советовать. Открытки с ободряющими словами больше не падали на коврик у входной двери. Люди снова, как и раньше, интересовались собственной жизнью, начальство сочло, что уже хватит перекладывать обязанности на других, одним словом, все поняли, что пора заниматься своими делами. Один Джек полагал, что это неправильно и нечестно – жить обычной жизнью, но без Донала.

По справедливости, вовсе не отсутствие Донала удерживало Джека от того, чтобы вернуться в лоно семьи и храбро продолжить привычную жизнь. Конечно же он тосковал по брату, но, как и после смерти мамы, сумел бы, скорее всего, справиться с горем. Все дело было в тайне, окутавшей исчезновение Донала, и во всех этих безответных загадках, которые вопросительными знаками горели перед его глазами, словно пятна света, остающиеся на сетчатке после фотовспышки.

Он закрыл за собой дверь бунгало с одной спальней, где царил беспорядок и где они с Глорией жили уже пять лет. Как и его отец, Джек всю свою жизнь проработал грузчиком в Шеннон-Фойнс-Порт.

Для встречи с Сэнди Шорт Джек выбрал деревню Глайн в тринадцати километрах к западу от Фойнса, потому что там не жил никто из его родных. Он устроился за столиком маленького кафе в девять утра, за полчаса до назначенного времени. По телефону Сэнди сказала, что обычно приезжает

заранее, и ему не сиделось на месте – не терпелось поскорее поделиться с ней своей новой идеей. Чем больше времени им удастся провести вместе, тем лучше. Он заказал кофе, положил на стол самую свежую фотографию Донала и пристально вгляделся в нее. Ее напечатали почти во всех газетах Ирландии, и она провисела на досках объявлений и в витринах весь прошлый год. На заднем плане стояла белая искусственная елка, которую мать наряжала в гостиной каждое Рождество. В игрушках отразилась вспышка фотоаппарата, и ярко сверкала мишура. Озорная улыбка Донала казалась обращенной лично к Джеку, как будто брат поддразнивал его, бросал вызов – попробуй, найди меня. Ребенком Донал обожал прятки. Мог часами не покидать укрытия, если это приносило победу. В конце концов всем надоедало искать его, кто-нибудь громко провозглашал, что Донал победил, и тогда он спокойно покидал свое убежище, сияя гордой улыбкой. На этот раз игра явно затянулась, и Джек мечтал об одном: чтобы брат, где бы он ни прятался, прямо сейчас выбрался наружу и торжествующе улыбнулся.

Голубые глаза Донала – единственная общая черта братьев – вспыхнули, и Джеку на секунду показалось, что тот ему сейчас подмигнет. Впрочем, как бы долго и напряженно ни таращился он на фото, вдохнуть в него жизнь все равно не удавалось. Он не мог забраться в картинку и вытолкнуть из нее брата, не мог почувствовать запах лосьона после бритья, которым тот обычно обильно смачивал лицо, не мог взъерошить его каштановые волосы и испортить прическу, как он это иногда делал из вредности, не мог услышать, как брат о чем-то спрашивает мать, помогая ей по дому. Прошел год, а Джек все еще помнил запах Донала и ощущение от прикосновения к его коже, но, в отличие от остальных членов семьи, одной памяти о брате ему было недостаточно.

Фотографию сделали на позапрошлое Рождество, ровно за шесть месяцев до того, как он пропал. Джек обычно появлялся у матери раз в неделю, тогда как Донал, единственный из шести братьев и сестер, продолжал жить в родительском доме. Если не считать обычных двухминутных разговоров с Доналом, в это Рождество Джек в последний раз нормально общался с братом. Донал, как всегда, преподнес ему носки, а Джек вручил брату коробку носовых платков – презент от старшей сестры на прошлогоднее Рождество. И оба посмеялись над своими дурацкими подарками.

В тот день Донал был оживлен и весел и без конца говорил о своей новой работе. Место компьютерщика он нашел в сентябре, как только окончил университет Лимерика: на выпускном вечере мать от гордости за своего

младшенького чуть со стула не свалилась. Донал не скрывал, что работа ему нравится, а Джек обратил внимание, насколько более зрелым и уверенным в себе по сравнению со студенческими временами выглядит брат.

Они никогда не были особо близки. В семье, где уже росло шестеро детей, рождение Донала стало сюрпризом для всех, в том числе для их матери Френсис, которая неожиданно для самой себя забеременела в сорок семь лет. Джек был на двенадцать лет старше Донала и покинул дом, когда брату исполнилось всего шесть. Поэтому он понятия не имел о таких чертах его характера, которые открываются, только если живешь с кем-то бок о бок. И на протяжении последних восемнадцати лет братья так и не стали друзьями.

Джек в который уже раз задавался вопросом: будь они с Доналом ближе, может, ему удалось бы раскрыть хотя бы часть тайны? Если бы он постарался лучше понять младшего брата, чаще разговаривал с ним о чем-то важном, а не о всяких пустяках, тогда, глядишь, в тот вечер они с Доналом вместе отмечали бы его день рождения. Как знать, может, он удержал бы его, не дал уйти из этой забегаловки, или они ушли бы вдвоем и сели в одно такси…

Может, тогда Джек тоже попал бы в то место, где сейчас находится Донал. Где бы оно ни было.

Глава восьмая

Джек допил третью чашку и посмотрел на часы.

Десять пятнадцать.

Сэнди Шорт опаздывала. Он нервно елозил ногами под столом. Барабаня пальцами левой руки по столу, он взмахнул правой, заказывая очередной кофе. Джек по-прежнему не терял надежды. Сэнди сейчас появится. Он знал, что она придет.

Одиннадцать часов. Уже в пятый раз он пытался связаться с ней по сотовому телефону. После многочисленных звонков раздавался голос: «Привет, это Сэнди Шорт. К сожалению, не могу сейчас ответить. Оставьте свое сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу». Все. Гудок.

Джек повесил трубку.

Одиннадцать тридцать. Она уже опаздывала на два часа, и Джек снова прослушал сообщение, оставленное Сэнди на его автоответчике вчера вечером:

«Привет, Джек, говорит Сэнди Шорт. Звоню, чтобы подтвердить: встречаемся завтра в девять тридцать утра в кафе «Кити» в Глайне. Поеду туда сегодня ночью. – Ее голос зазвучал мягче. – Я не сплю, как вам известно. – Она хихикнула. – Так что завтра приеду рано. После всех наших разговоров мне хочется наконец-то все обсудить с вами лично. И еще, Джек… – Она помолчала. – Обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы помочь вам. Мы не бросим Донала в беде».

В полдень Джек прослушал это сообщение еще раз.

В час дня, после бесчисленных чашек кофе, пальцы Джека перестали барабанить по столу, а сложились в кулак, на который он опер подбородок. Он чувствовал, что хозяин кафе уставился ему в спину, явно недоумевая, с какой стати этот тип сидит тут столько времени, нервничает, без конца смотрит на часы и не освобождает место для новых посетителей, наверняка готовых потратить больше денег, чем он. Столы вокруг заполнялись и пустели, и Джек резко вскидывал голову всякий раз, как звякал колокольчик над входной дверью. Он не знал, как выглядит Сэнди Шорт. Она ему сказала только, что ее нельзя не заметить. О том, что это означает, он не задумывался, но всякий раз при звуке колокольчика вслед за головой взмывала вверх его надежда, – чтобы снова ухнуть вниз, когда вошедший равнодушно проходил мимо его столика.

В два тридцать колокольчик звякнул еще раз.

После пяти с половиной часов ожидания Джек закрыл за собой дверь, покидая кафе.

Глава девятая

Я уже почти двое суток торчала все в том же лесу. Я только и делала, что быстрым шагом ходила взад-вперед, пытаясь воспроизвести движения, в результате которых очутилась здесь, надеясь, что это поможет мне выбраться. Я взбегала вверх по склонам холмов и спускалась вниз, стараясь вспомнить, с какой скоростью тогда бежала, какую песню слушала и где именно находилась, когда впервые почувствовала, что мир вокруг меня изменился. Как если бы это могло вернуть меня назад! Я карабкалась вверх-вниз, и снова вверх, и снова вниз, и все искала, где же здесь вход, а самое главное – выход. Я не могла бездействовать. Не испытывала ни малейшего желания повторить судьбу пропавших вещей, например оказаться в роли сережек с поломанной застежкой, которые поблескивали в густой траве.

Мысль, что ты вдруг стала лицом, пропавшим без вести, и попала неизвестно куда, – не из тех, что первыми приходят в голову. Я, конечно, это понимаю, но, поверьте, даже я не сразу сообразила, что со мной произошло. В первые несколько часов меня одолевали растерянность и раздражение, однако при этом я точно знала, что не просто свернула не туда – нет, со мной явно приключилось нечто гораздо более невероятное. Потому что холм не может вдруг взять и подняться из земли за несколько секунд, деревья, которых отродясь не росло в Ирландии, – в мгновение ока вылезти из земли, а устье Шеннона – высохнуть и исчезнуть невесть куда. Это нереально. И тогда я поняла, что нахожусь в каком-то ином месте.

Естественно, я не исключала вероятности того, что уснула, во сне упала и повредила голову и в настоящее время валяюсь в коме или вообще умерла. Потом я задумалась, а вдруг окружающая аномалия означает стремительное приближение конца света, и призвала на помощь все свои познания в географии Западного Лимерика. Конечно, такой вариант, что я попросту спятила, тоже заслуживал самого серьезного внимания. В списке возможных объяснений он шел у меня первым номером.

Однако после нескольких дней, проведенных в одиночестве посреди неправдоподобно прекрасного пейзажа, я все же пришла к выводу, что скорее всего жива, конец света не наступил, мир не охвачен массовой паникой, а я отнюдь не пациентка сумасшедшего дома. Я поняла, что желание во что бы то ни стало найти выход затуманило мне взгляд и мешает разобраться, в чем тут дело. Хватит валять дурака! Носясь вверх и вниз по холму, я отсюда не выберусь. Нечего заниматься ерундой, заглушая голос разума. Я люблю логику и потому из всех фантастических объяснений выбрала одно: я жива и здорова, но потерялась. Вещи таковы, каковы они есть, какими бы странными ни казались.

На второй день моего пребывания здесь, когда начало смеркаться, я решила пробраться подальше в глубь сосен и исследовать новое любопытное место. Сучья хрустели под подошвами кроссовок, почва, усыпанная толстым слоем опавших листьев, обломков коры, сосновых шишек и бархатистого мха, мягко пружинила под ногами. Туман, похожий на клочья шерстяной ваты, проплывал над головой и цеплялся за ветки деревьев. Величественные высокие стволы вздымались, как цветные карандаши – каждый размером с колонну, – раскрашивая небо. Днем они покрывали его бледно-голубой штриховкой, перемежаемой темными пятнами туч в тонкой оранжевой окантовке, а теперь, ближе к ночи, их угольно-черные верхушки, подпаленные горячим солнцем, замазывали небесный свод густым серо-синим колером. Небо мерцало мириадами звезд, и все они подмигивали мне, словно обмениваясь между собой мировыми тайнами, в которые я никогда не смогу проникнуть.

Пробираясь в одиночку и в темноте по холмистой местности, я по идее должна была трястись от страха. Но я чувствовала себя в полной безопасности – слушала пение птиц, вдыхала сладкие ароматы мха и сосны, пробиралась сквозь кокон тумана, в котором было что-то волшебное. Раньше мне приходилось попадать в самые разные ситуации – опасные или просто необычные. Выполняя свою работу, я изучала все следы, проверяла все маршруты и никогда не позволяла страху заставить меня свернуть с намеченного пути, который, как я считала, способен привести к разыскиваемому человеку. Я не боялась перевернуть каждый камень, лежащий у меня на пути, а то и швырнуть его, наплевав на стеклянные стены, тщательно оберегаемые обитателями дома: зачастую именно такое действие производили мои неожиданные вопросы. Когда люди пропадают без вести, это обычно происходит при мрачных обстоятельствах, о которых большинство предпочитает не знать. По сравнению с моим прошлым опытом погружения в подземные миры нынешний проект напоминал скорее легкую прогулку по парку. Ну да, поиски пути, который вывел бы меня обратно в собственную жизнь, постепенно обретали черты проекта.

Тихие голоса, зазвучавшие где-то рядом и чуть повыше, заставили меня остановиться. За долгое время я не встретила здесь ни одного человека и теперь вовсе не была уверена, что эти люди настроены дружелюбно. Между деревьями я заметила какое-то мерцание и, потихоньку приблизившись, обнаружила поляну, посреди которой горел походный костер. Деревья обступали ее широким кругом, и в центре этого круга сидели пятеро. Они смеялись, шутили и подпевали звучавшей музыке. Я затаилась в тени хвойных гигантов и ощутила себя пугливой мушкой, которую влечет к себе свет огня. Я ясно различила ирландский акцент и засомневалась в правомерности своей нелепой уверенности, будто нахожусь в другой стране и вообще вне собственной жизни. За эти несколько секунд я успела заново поставить все под сомнение.

У меня под ногами громко хрустнула ветка, и по всему лесу разнеслось гулкое эхо. Музыка тут же прекратилась, а разговоры смолкли.

– Там кто-то есть, – громко прошептал женский голос.

Все головы повернулись ко мне.

– Эй вы, там! – возбужденно крикнул веселый мужской голос. – Давайте, присоединяйтесь к нам! Мы как раз собираемся спеть «This Little light of Mine».

Со стороны группы донесся тяжелый вздох.

Мужчина спрыгнул с упавшего ствола дерева, на котором сидел, и приблизился ко мне, приветственно протянув руки. Круглое, как луна, дружелюбное лицо, и почти абсолютно лысый череп, с которого макаронинами свисали четыре жидкие пряди волос. Я шагнула вперед, в пятно света, и ощутила на коже тепло огня.

– Женщина, – снова громко прошептал женский голос.

Я толком не знала, что ответить, а мужчина, который подошел ко мне, взглянул на своих компаньонов без прежней уверенности.

– Может, она не говорит по-английски, – свистящим шепотом предположила женщина.

– Ага. – Мужчина снова повернулся ко мне: – Вы го-во-ри-ть по-ан-глий-ски?

– Тебя и «Оксфордский словарь английского языка» не понял бы, Бернард, – ворчливо ответил ему кто-то из сидящих.

Я улыбнулась и кивнула. Компания успокоилась и принялась изучать меня, причем я отлично понимала, что все они думают. «Ну и дылда».

– О, прекрасно! – Он хлопнул в ладоши и прижал руки к груди; на его лице расцвела еще более радостная улыбка. – Вы откуда?

Не зная, как правильно ответить – с Земли, из Ирландии или из Литрима, – я призвала на помощь интуицию и выдавила из себя единственное слово: «Ирландия». Говорить было трудно, ведь я так долго молчала.

– Прекрасно! – Его бодрая приятельская улыбка так сияла, что я не могла не вернуть ее. – Какое совпадение! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам! – Он вприпрыжку направился к группе, приглашая меня последовать за ним.

– Меня зовут Бернард. – Он расплылся в улыбке, словно Чеширский кот. – Сердечно приветствуем вас как нового члена ирландского контингента. Мы здесь ужасно малочисленны, – он нахмурился, – хотя, похоже, в последнее время нас становится больше. Ох, извините, куда подевалось мое воспитание? – Румянец залил его щеки.

– Вот оно, здесь, под этим носком.

Я обернулась, чтобы посмотреть, кто это так пошутил, и увидела привлекательную женщину лет пятидесяти с гладко зачесанными серебристыми волосами, в лиловом палантине, небрежно наброшенном на плечи. Она рассеянно уставилась на костер, и танцующие языки пламени отражались в темных глазах, а комментарии слетали с ее губ так, словно она произносила их на автопилоте.

– С кем имею честь познакомиться? – Бернард лучился восторгом и, вытянув шею, вглядывался в меня.

– Меня зовут Сэнди, – ответила я. – Сэнди Шорт.

– Великолепно. – Он снова зарумянился и энергично пожал мою протянутую руку. – Приятно познакомиться. Позвольте представить вам остальных членов банды, как они себя называют.

– Интересно, кто это так себя называет? – раздраженно проворчала женщина.

– Вот Хелена. Она любит поболтать. Всегда найдет что сказать, правда, Хелена? – Бернард уставился на нее, ожидая ответа.

Морщинки вокруг рта углубились, когда она поджала губы.

– Ага. – Он приподнял бровь, а потом представил женщину по имени Джоана, Дерека, длинноволосого хиппи, играющего на гитаре, и Маркуса, который молча сидел в некотором отдалении от группы. Я быстро оценила их: все они были примерно одного возраста и, похоже, непринужденно чувствовали себя друг с другом. Даже саркастичные комментарии Хелены не вызывали никаких трений.

– Почему бы вам не присесть? А я принесу что-нибудь выпить…

– Где мы? – оборвала я его, не в силах больше выносить этот треп.

Разговор у костра резко смолк, и даже Хелена подняла голову и пристально посмотрела на меня. Окинула меня быстрым и внимательным взглядом с ног до головы, будто впитала мою душу, – так мне показалось. Дерек прекратил пощипывать струны гитары, Маркус слегка улыбнулся и стал смотреть в сторону, а Джоана и Бернард уставились на меня широко распахнутыми испуганными глазами олененка Бэмби. Не слышалось ни звука, кроме потрескивания веток в огне и легких хлопков, с которыми искры отрывались от костра и зигзагами улетали в небо. Где-то дальше ухали совы, и доносился легкий хруст, как будто кто-то шагал по сухим веткам.

Вокруг костра воцарилась мертвая тишина.

– Кто-нибудь собирается ответить девушке? – Хелена оглядела своих спутников, явно забавляясь.

Все промолчали.

– Ладно, если никто не желает, – она потуже стянула шаль на груди и зажала ее концы в руке, – я выскажу свою точку зрения.

Остальные запротестовали, и мне тут же ужасно захотелось узнать мнение Хелены. В ее глазах заплясали огоньки, она наслаждалась неодобрением своих спутников.

– Расскажите, Хелена, – попросила я.

– О нет, вы не хотите этого слышать, поверьте мне, – жарко забормотал Бернард, и его двойной подбородок заколыхался от возмущения.

Хелена с вызовом подняла серебристую голову, ее ярко блестевшие темные глаза внимательно изучали меня, а рот слегка кривился:

– Мы умерли.

Эти два слова прозвучали холодно, спокойно, сухо.

– Ладно, ладно, вы же ей не верите, – сказал Бернард самым своим злым, как мне подумалось, голосом.

– Хелена, – упрекнула ее Джоана, – мы уже это обсуждали миллион раз. Ты не должна так пугать Сэнди.

– По-моему, она вовсе не выглядит напуганной, – возразила Хелена, сохраняя то же довольное выражение лица.

– Бросьте, – Маркус прервал молчание, заговорив впервые с того момента, как я присоединилась к компании, – возможно, она права. Мы вполне можем быть мертвыми.

Бернард и Джоана заворчали, а Дерек начал тихонько перебирать струны гитары и напевать: «Мы мертвы, мертвы, мертвы, все мертвы – и мы, и вы».

Бернард что-то неодобрительно проворчал, а потом налил чай из фарфорового чайника и протянул мне чашку на блюдце. И все это – в чаще леса. Я не сдержала улыбки.

– Если мы мертвы, то где же мои родители, Хелена? – с упреком спросила Джоана, высыпая печенье на фарфоровое блюдо и ставя его передо мной. – И где все остальные покойники?

– В аду, – пробубнила Хелена.

Маркус улыбнулся и быстро отвернулся, чтобы Джоана не увидела его лица.

– А с чего это ты взяла, будто мы в раю? Почему ты решила, что можешь попасть в рай? – раздраженно проговорила Джоана, макая печенье в чай и быстро вынимая его из чашки, пока не отвалился размокший краешек.

Дерек забренчал на гитаре и хрипло запел: «Мы в раю или в аду? Угадать я не могу».

– Кто-нибудь еще видел златые врата и слышал хор ангелов при входе? Или только мне это привелось? – ухмыльнулась Хелена.

– Ты не входила в златые врата. – Бернард так резко тряс головой, что его второй подбородок колыхался.

Он покосился на меня, продолжая трясти подбородком.

– Она не входила в златые врата.

Дерек ударил по струнам. «Сквозь врата я не входил и жара ада не ощутил».

– Да замолчи же ты, – раздраженно крикнула Джоана.

«Замолчи же, замолчи и на струнах не бренчи», – пропел он.

– Мне этого не вынести!

«Нет, мне этого не вынести, кто же сможет меня вывести?»

– Сейчас я тебя выведу, – пробурчала Хелена, но как-то не очень убежденно.

Он продолжал перебирать струны, и все замолчали, прислушиваясь к простенькой мелодии.

– Смотри, Хелена, маленькой Джун, дочке Полины О

Коннор, было всего десять лет, когда она умерла, – заговорил Бернард. – Такой крохотный ангелочек наверняка оказался бы на небесах, а ее здесь нет. Так что твоя теория не годится. – Он гордо вздернул подбородок, а Джоана кивнула, соглашаясь с ним. – Мы не мертвые.

– Пардон, только для тех, кому больше восемнадцати, – скучающим голосом произнесла Хелена, – святой Петр стоит у ворот, сложив руки на груди, и выслушивает в наушниках указания Господа Бога.

– Не говори так, Хелена, – выкрикнула Джоана.

«Не войти, не выйти мне никак! Святой Петр, скажи, что здесь не так», – загробным голосом пропел Дерек.

Потом вдруг перестал бренчать и проговорил:

– Это точно не рай. Здесь нет Элвиса.

– Ну, тогда другое дело. – Хелена закатила глаза.

– У нас здесь есть свой Элвис, разве не так? – захихикал Бернард, меняя тему. – А вы знаете, Сэнди, что Дерек когда-то играл в ансамбле?

– Как она может это знать, Бернард? – раздраженно возразила Хелена.

Бернард снова ее проигнорировал.

– Дерек Каммингс, – торжественно объявил он, – самый крутой участник ансамбля, созданного в шестидесятых при школе-интернате Святого Кевина.

Все засмеялись.

Я похолодела.

– Как назывался ваш ансамбль, Дерек? Я уже забыла, – улыбнулась Джоана.

– «Чудо-мальчики», Джоана, «Чудо-мальчики», – растроганно ответил Дерек, погружаясь в воспоминания.

– Помнишь танцы по пятницам вечером? – возбужденно спросил Бернард. – Дерек на сцене, играет рок-н-ролл, а отец Мартин чуть не падает в обморок, видя, как он вихляет бедрами.

Все снова засмеялись.

– Хорошо, а как назывался танцзал? – задумалась вслух Джоана.

– Господи. – Бернард закрыл глаза, пытаясь припомнить.

Дерек перестал перебирать струны и тоже сосредоточился.

Хелена продолжала смотреть на меня, следя за моей реакцией.

– Вам холодно, Сэнди? – Ее голос прозвучал как будто издалека.

Зал «Финбар». Название само по себе возникло у меня в голове.

Все они любили ходить в зал «Финбар» вечером по пятницам.

– Зал «Финбар», – вспомнил в конце концов Маркус.

– Да-да, именно так. – Они облегченно вздохнули, и Дерек снова начал перебирать струны.

Я покрылась гусиной кожей и задрожала.

Рассматривая одно за другим их лица, заглядывая в глаза, я узнавала знакомые черты. История, которую я узнала еще девочкой, всплыла в памяти и снова захлестнула меня. Каждый факт предстал передо мной так же отчетливо, как тогда, давно, когда в поисках материалов для школьного сочинения я наткнулась на нее в компьютерном архиве. Заинтересовалась, внимательно все прочитала и твердо запомнила. У меня перед глазами до сих пор стояли юные лица подростков, улыбающихся с первой газетной полосы. И вот эти лица здесь, рядом со мной.

Дерек Каммингс, Джоана Хэтчард, Бернард Линч, Маркус Флинн и Хелена Диккенс. Пять учащихся школы-интерната Святого Кевина. Они исчезли в шестидесятые, во время школьного турпохода, и их так никогда и не нашли. Теперь они собрались здесь – постаревшие, поумневшие и утратившие невинность.

Я нашла их.

Глава десятая

Когда мне было четырнадцать, родители предложили мне по понедельникам после школы посещать психотерапевта. Им не пришлось долго меня уговаривать. Стоило сказать, что этому человеку можно задавать любые вопросы, какие только захочется, и что он знает достаточно, чтобы на них ответить, и я просто-таки рванула в школу.

Тогда же я окончательно поняла: они убеждены, что потерпели со мной неудачу. Об этом говорило выражение их лиц, когда они усадили меня за кухонный стол, на котором стояло молоко и лежало печенье. За спиной у меня шумела стиральная машина, создавая привычный звуковой фон. Мама крепко сжимала в руках скрученную салфетку, которой, похоже, только что вытирала слезы. Обычная манера родителей: они скрывали от меня свою слабость, но, как правило, забывали избавиться от признаков ее проявления. Я не видела маминых слез, но салфетку-то видела! Отец тщательно скрывал гнев, вызванный

бессилием, но не мог спрятать его отблеск в своих глазах.

– Все в порядке? – Я поочередно изучила оба лица, старательно демонстрирующих спокойствие.

Так уверенно, будто могут справиться с любыми проблемами, люди обычно выглядят лишь тогда, когда случается что-то плохое.

– Что-нибудь стряслось?

Папа улыбнулся:

– Что ты, дорогая! Не волнуйся! Ничего не стряслось…

Когда он это сказал, мамины брови поползли вверх, и я поняла, что она с ним не согласна. Было очевидно, что папа и сам не согласен со своими словами, тем не менее он их произнес. В том, чтобы отправить меня к психотерапевту, не крылось ничего, решительно ничего дурного, однако я знала, что они предпочли бы сами помочь мне. Им хотелось, чтобы мне хватило их ответов на мои вопросы. Я подслушивала их бесконечные споры о методах воздействия на мое поведение. Они вроде бы поддерживали меня всеми известными способами, и вот теперь им пришлось разочароваться в собственных возможностях. Я физически ощущала это разочарование и ненавидела себя за то, что была его причиной.

– Понимаешь, детка, все дело в том, что ты задаешь слишком много вопросов, – пояснил папа.

Я кивнула.

– Ну вот. Мы с мамой… – Он бросил на нее быстрый взгляд, словно ища одобрения, и ее глаза сразу потеплели. – Так вот, мы с мамой нашли человека, с которым ты сможешь обсудить все свои вопросы.

– И этот человек сумеет на них ответить? – Я широко раскрыла глаза и почувствовала, как заколотилось сердце, – неужели все тайны жизни вот-вот раскроются передо мной.

– Надеюсь, что да, моя милая, – подтвердила мама. – Ты с ним поговоришь, и эти вопросы перестанут тебя мучить. Он знает гораздо больше нас обо всем, что тебя беспокоит.

Пришло время засыпать их пулеметной очередью вопросов. Так, палец на спусковой крючок!

– Кто он?

– Мистер Бартон. (Говорит папа.)

– Как его зовут?

– Грегори. (Говорит мама.)

– Где он работает?

– В школе. (Мама.)

– Когда я его увижу?

– В понедельник, после уроков. У вас будет целый час. (Опять мама.)

Она лучше папы выдерживает мои обстрелы. Привыкла к спорам, которые мы ведем, пока папа на работе.

– Он психиатр, правда? – Они никогда не врали мне.

– Да, дорогая. (Это уже папа.)

Думаю, именно в этот момент я возненавидела свое отражение в их глазах, и тогда же мне, к сожалению, перестала нравиться их компания.

Кабинет мистера Бартона представлял собой комнатку размером со стенной шкаф: в ней хватало места как раз для двух кресел. Я выбрала то, что с грязной оливково-серой бархатной обивкой и подлокотниками из темного дерева, а не

покрытое коричневым бархатом в пятнах. Оба кресла, похоже, изготовили в сороковые годы и с тех пор ни разу не чистили и не выносили из маленькой комнатки. Крохотное окошко на задней стенке, расположенное очень высоко, позволяло разглядеть только небо. Когда я пришла к мистеру Бартону в первый раз, оно было светло-голубым. Время от времени по нему проплывали облака и затопляли своей белизной все окошко, а потом исчезали из виду.

На стенах висели плакаты со школьниками: они казались счастливыми и сообщали пустой комнате, что говорят «нет» наркотикам и хулиганству, рассказывали, как борются с экзаменационными стрессами, неправильным режимом питания и обидами, давали ясно понять, что достаточно умны и потому у них не может быть проблем с подростковой беременностью – ведь они не занимаются сексом. Впрочем, на случай, если все же вдруг займутся, имелся еще один плакат: на нем те же самые девочка и мальчик объясняли, как использовать презервативы. В общем, святые или типа того. Да и от самой комнаты веяло такой положительностью, что я испугалась, как бы мне ракетой не вылететь из своего кресла. Наверняка всем этим персонажам помог сам мистер Бартон Великолепный.

Я ожидала, что он окажется мудрым старцем с густой седой шевелюрой, с моноклем в глазу и в длинном сюртуке, из кармана которого свешивается цепочка от часов. И что его мозги просто лопаются от знаний, накопленных за долгие годы изучения человеческого разума. Представляла, как встречу укутанного в плащ мудрости западного гуру, который будет говорить загадками и постарается убедить меня в том, что я обладаю огромной внутренней силой.

Когда реальный мистер Бартон вошел в комнату, во мне забурлили смешанные чувства. Любопытная часть моего «я» испытала разочарование, тогда как жившая во мне четырнадцатилетняя девочка затрепетала от немыслимого восторга. Он был скорее Грегори, чем мистер Бартон. Молодой и красивый, сексапильный и соблазнительный. В джинсах и футболке, с модной стрижкой, он выглядел так, будто только сегодня закончил колледж. Я, как обычно, быстренько прикинула в уме: по всей видимости, он ровно вдвое старше меня. Всего несколько лет – и я достигну совершеннолетия, да и школу к тому времени закончу. Я успела распланировать всю свою дальнейшую жизнь еще до того, как он закрыл за собой дверь.

– Привет, Сэнди. – У него был веселый и бодрый голос.

Он пожал мне руку, и я поклялась себе, что оближу ее, как только вернусь домой, и никогда больше не буду мыть. Мистер Бартон сел напротив меня в коричневое бархатное кресло. Готова поспорить: все эти барышни на плакатах просто выдумывали себе проблемы, чтобы иметь предлог явиться к нему в кабинет.

– Надеюсь, тебе удобно в этом авангардном дизайнерском кресле? – Он сморщил нос от отвращения, устраиваясь на сиденье с прорванной сбоку обивкой, из которой торчал поролон.

Я засмеялась. О да, он крут.

– Спасибо, удобно. Я хотела бы знать, что вам рассказал обо мне выбор кресла.

– Ладно, – улыбнулся он. – Твой выбор свидетельствует об одном из двух.

Я внимательно слушала.

– Во-первых, о том, что ты не любишь коричневый цвет. Или, во-вторых, о том, что ты любишь зеленый.

– А вот и нет, – улыбнулась я, – мне просто захотелось сесть напротив окна.

– Ага, – подхватил он, – значит, ты – из тех, кого мы в лаборатории называем «сидящими лицом к окну».

– Угу, я одна из таких.

Он секунду поглядывал на меня с любопытством, потом положил на колени ручку и блокнот, а на подлокотник диктофон:

– Не возражаешь, если я буду записывать?

– А зачем?

– Чтоб запомнить все, что ты говоришь. Иногда мне не удается толком понять какую-нибудь деталь, пока я еще раз не прокручу запись разговора.

– Ладно. А зачем тогда ручка и блокнот?

– Чтобы рисовать чертиков. На случай, если мне надоест тебя слушать.

Он нажал кнопку диктофона и назвал сегодняшнюю дату и время.

– Я себя чувствую в ожидании допроса в полицейском участке.

– С тобой такое уже случалось?

Я кивнула:

– Когда пропала Дженни-Мэй Батлер, нас всех в школе просили сообщить все, что мы об этом знали.

Как быстро мы заговорили о ней. Она бы пришла в восторг от такого внимания.

– Ага, – кивнул он. – Дженни-Мэй была твоей подругой, да?

Я напрягла мозги. Рассматривала висящие на стене плакаты против хулиганства и размышляла, как ответить. Мне не хотелось, сказав «нет», оказаться бесчувственной в глазах этого соблазнительного мужчины, но ведь она не была моей подругой. Дженни-Мэй ненавидела меня. Тем не менее она пропала, и, наверное, мне не следовало плохо говорить о ней, потому что все считают ее ангелом. Мистер Бартон ошибочно принял мое молчание за знак печали, что смутило меня, а следующий вопрос задал таким сочувственным тоном, что я едва не расхохоталась.

– Ты скучаешь по ней?

Я обдумала и эту версию. Вы бы скучали по ежедневной пощечине? Я чуть не задала ему этот вопрос, но, как и раньше, не захотела, чтобы он счел меня бессердечной, и потому не ответила «нет». А то он никогда не влюбится в меня и не заберет из Литрима.

Он наклонился ко мне. Ах, какие синие у него глаза.

– Твои мама с папой говорили, что ты хочешь найти Дженни-Мэй. Это правда?

Ну и дела! Чем дальше, тем больше путаницы. Я помотала головой: ладно, хватит притворяться.

– Мистер Бартон, не хочу показаться жестокой и бесчувственной, потому что, как известно, Дженни-Мэй пропала без вести и все этим опечалены, однако… – Тут я замолчала.

– Давай-давай, – подбодрил он, и мне захотелось вскочить, обнять и расцеловать его.

– Ну, ладно. Мы с Дженни-Мэй никогда не были подругами. Она меня ненавидела. Мне жалко ее – в том смысле, что вот она пропала, но я вовсе не хочу ее возвращения. Я нисколько по ней не скучаю и не собираюсь ее искать. Мне просто интересно знать, где она сейчас. Этого бы мне хватило.

Он приподнял брови.

– Ну вот, вы точно решили: раз Дженни-Мэй была моей подругой и она пропала, то теперь, если я что-то теряю – ну, там носок, – то ищу его потому, что как бы тем самым пытаюсь найти Дженни-Мэй и вернуть ее обратно.

Он приоткрыл рот.

– Конечно, это разумное предположение, мистер Бартон. Но это не про меня. Я совсем не такая сложная. Просто мне действует на нервы, что вещи пропадают, а я не знаю, куда они делись. Взять хоть скотч с рисунком. Вчера вечером мама собралась упаковать подарок ко дню рождения тети Дидры, но никак не могла его найти. Но дело в том, что мы всегда оставляем его во втором ящике сверху, сразу под столовыми приборами. Он всегда там лежит, мы никогда не кладем его в другое место, и мама с папой хорошо знают, как я отношусь к таким вещам, и потому обязательно все всегда кладут на место. У нас совсем маленький дом, и, честно говоря, это не тот случай, когда вещи пропадают из-за вечного беспорядка. По-любому, я брала скотч в субботу, когда делала

домашнюю работу по изо – за нее, между прочим, мне сегодня влепили несчастный трояк, а Трейси Тинслтон поставили пятерку за какую-то фигню вроде раздавленной мухи на оконном стекле, и еще сказали, что это – «настоящее искусство», – так вот, клянусь, я положила моток на место в ящик. Папа его не брал, мама тоже, и я на все сто уверена, что никто не забирался в дом специально, чтобы спереть моток скотча. Поэтому я искала его весь вечер. Но так и не нашла. Так где он?

Мистер Бартон не издал ни звука, только медленно откинулся на спинку кресла и устроился в нем поудобнее.

– Ладно, давай сформулирую прямо и коротко, – задумчиво произнес он. – Ты не скучаешь по Дженни-Мэй Батлер.

Мы оба захохотали, и я впервые за все это время перестала испытывать угрызения совести.

– Зачем, по-твоему, ты пришла сюда? – серьезно спросил мистер Бартон, когда мы отсмеялись.

– Потому что мне нужны ответы.

– Какие ответы?

Я постаралась сформулировать:

– Где находится скотч, который мы так и не нашли прошлым вечером? Куда делась Дженни-Мэй Батлер? Почему один из моих носков вечно пропадает в стиральной машине?

– И ты полагаешь, я смогу тебе сказать, где все эти вещи?

– Не конкретно о каждой, но некие общие указания меня бы устроили, мистер Бартон.

Он улыбнулся:

– Позволь мне задать несколько вопросов, и, быть может, в твоих ответах мы вместе отыщем то, что ты хотела бы выяснить.

– О’кей. Если считаете, что это поможет, давайте попробуем.

– Зачем тебе знать, куда деваются вещи?

– Мне это необходимо.

– Почему тебе кажется, будто это необходимо?

– А почему вам кажется, что вы должны задавать мне вопросы?

Мистер Бартон моргнул и помолчал на секунду дольше, чем ему бы хотелось, – так мне показалось.

– Это моя работа, мне за нее деньги платят.

– Платят деньги?! – Я выкатила глаза. – Мистер Бартон, вы могли бы заняться любой простой работой и получать за нее деньги, но все же решили проучиться – сколько же, десять миллионов лет? – чтобы получить все эти бумажки, которыми украсили стены. – Я бросила взгляд на его дипломы в рамочках. – То есть я хочу сказать, что вы прошли всю эту бесконечную учебу, сдали все экзамены, задали все вопросы не только потому, что за это платят.

Он усмехнулся и посмотрел на меня. Похоже, не знал, что ответить. Поэтому мы молчали минуты две. В конце концов он взял ручку и блокнот, пододвинул их мне и снова облокотился на колени.

– Мне нравится разговаривать с людьми, всегда нравилось. По моим наблюдениям, рассказывая о себе, они узнают вещи, которых до того не знали. Это нечто вроде самолечения. Я задаю людям вопросы, потому что мне нравится им помогать.

– Так и я.

– Ты считаешь, что, задавая вопросы о Дженни-Мэй, ты помогаешь ей или, может, ее родителям? – Он постарался скрыть смущение, притаившееся у него в глазах.

– Нет, я помогаю самой себе.

– Каким образом? Разве тот факт, что ты не находишь ответов, не разочаровывает тебя еще больше?

– Иногда мне удается отыскать какую-то вещь, мистер Бартон. Я нахожу то, что просто положили не на то место.

– Разве не все потерянное лежит не на своем месте?

– Положить что-то не туда, куда надо, – значит временно потерять это, потому что ты забыл, где оно лежит. А я всегда помню, что и куда кладу. Но я-то пытаюсь отыскать не те вещи, которые лежат не на своем месте, а те, у которых выросли ноги, и они взяли да и ушли себе. Именно из-за них я расстраиваюсь.

– Ты не считаешь, что кто-то другой, не ты, мог переложить их?

– Кто, например?

– Вопрос задал я.

– Хорошо. В случае со скотчем ответ однозначный: нет. В случае с носками ответ тот же: нет. Разве что кто-то забирается в стиральную машину и вынимает их из нее. Мистер Бартон, родители хотят помочь мне. Не думаю, чтобы они стали перекладывать вещи, а потом забывали об этом. Если они что-то переложат, то еще лучше запоминают, куда именно.

– Тогда какие у тебя версии? Куда, по-твоему, все эти вещи деваются?

– Мистер Бартон, если бы у меня было хоть одно предположение на этот счет, я бы не пришла сюда.

– То есть никаких идей? Тебе ничего не приходит в голову даже в самых безумных мечтах, даже в минуты самых больших огорчений, даже когда ты отчаянно размышляешь ранним-ранним утром в поисках ответа и никак не можешь его найти? Ну, хоть какая-нибудь идея по поводу того, куда деваются пропавшие вещи?

Н-да, он наверняка узнал обо мне от родителей гораздо больше, чем я предполагала. Если я отвечу на этот вопрос честно, боюсь, он уже никогда не влюбится в меня. И тем не менее я глубоко вздохнула и выложила всю правду:

– В такие минуты я полагаю, что они очутились в том месте, куда попадает все, что пропало.

Он и глазом не моргнул:

– Ты считаешь, и Дженни-Мэй там? Тебе так легче – представлять, будто она там?

– Господи! – Я тяжко вздохнула. – Если кто-то ее убил, значит, так тому и быть, мистер Бартон. Я не пытаюсь создавать вымышленный мир, чтобы мне стало легче.

Он отчаянно старался, чтобы ни один мускул лица не дрогнул.

– Но скажите мне, почему полицейские не могут найти ее ни живой, ни мертвой?

– А тебе не полегчает, если ты признаешь, что временами случается нечто необъяснимое?

– Ну, вы же так не думаете. Почему я должна в это верить?

– А почему ты решила, будто я так не думаю?

– Вы – психотерапевт. Вы считаете, что каждое действие вызывает определенную реакцию, и все такое. Я кое-что почитала, перед тем как прийти сюда. Все, что со мной сейчас происходит, – результат того, что произошло некое событие, или кто-то что-то сказал, или сделал. Вы считаете, что на все

можно найти ответ и так или иначе решить любую задачу.

– Это не совсем так, Сэнди. Я не могу все заново сложить и склеить.

– А меня вы можете склеить?

– Ты же не сломана, Сэнди.

– Таков ваш медицинской диагноз?

– Я не врач.

– Но вы же «лекарь разума», разве не так? – Я изобразила пальцами в воздухе кавычки и сделала большие глаза.

Тишина.

– Что ты ощущаешь, когда ищешь и ищешь, но никак не можешь найти то, что тебе нужно?

Полагаю, это была самая странная беседа, которую он когда-либо вел.

– У вас есть девушка, мистер Бартон?

Он наморщил лоб:

– По-моему, Сэнди, в данном случае это не имеет значения.

Поскольку я промолчала, он вздохнул и ответил:

– Нет, у меня нет девушки.

– А вы хотите, чтобы была?

Он задумался:

– Ты имеешь в виду, что ощущения, которые испытываешь во время поисков пропавшего носка, похожи на те, что испытываешь, когда ищешь любовь? – Он попытался сформулировать вопрос так, чтобы сказанное мною звучало не так глупо, однако ему это не удалось.

Я снова выкатила глаза. Что-то слишком часто он вынуждал меня делать это.

– Нет, это такое чувство, когда ты знаешь, что чего-то в твоей жизни не хватает, но никак не можешь это отыскать, сколько ни стараешься.

Он смущенно прочистил горло, схватил карандаш и бумагу и сделал вид, будто что-то записывает.

Явно пришло время рисовать чертиков.

– Я вам действую на нервы, да?

Он улыбнулся, и его улыбка разрядила напряжение.

Я попыталась объяснить еще раз:

– Может, будет понятнее, если я скажу, что, когда ты не можешь найти пропажу, это примерно то же самое, когда ты вдруг не в состоянии вспомнить слова любимой песни, которую давно знаешь наизусть. Или когда неожиданно забываешь имя человека, которого очень хорошо знаешь и с которым встречаешься каждый день, или название знаменитой группы, которая поет какой-нибудь хит. Это так напрягает, что крутишь и крутишь такие мысли в голове, потому что знаешь: ответ наверняка существует, но никто и никогда тебе его не подскажет. И эта мысль долбит и долбит тебя и не дает успокоиться, пока не найдешь ответ.

– Я понимаю, – проговорил он мягко.

– Хорошо, тогда умножьте это чувство на тысячу.

Он задумался:

– Ты очень зрелый человек для своего возраста, Сэнди.

– Забавно. Потому что я-то надеялась, что вы знаете гораздо больше в вашем возрасте.

Он хохотал, пока время сеанса не истекло.

Этим вечером за ужином папа спросил меня, как все прошло.

– Он не смог ответить на мои вопросы, – сказала я, хлебая суп.

Похоже было, что папу вот-вот хватит удар.

– Значит, ты к нему больше не пойдешь?!

– Пойду! – быстро возразила я, и мама попыталась скрыть улыбку, сделав глоток воды.

Папа переводил взгляд с меня на нее и обратно, на его лице застыл вопрос.

– У него красивые глаза, – предложила я объяснение, снова зачерпывая суп.

Папины брови поползли вверх, и он вопросительно покосился на маму, на лице которой расцвела широкая улыбка.

– Это правда, Гарольд. У него очень красивые глаза.

– А, ну тогда все в порядке. – Он поднял обе руки вверх. – Если у мужчины очень красивые глаза, то кто я такой, чтобы спорить, черт подери!

Поздно вечером я лежала в постели и размышляла о своем разговоре с мистером Бартоном. Возможно, у него не нашлось для меня ответов, но от поисков одной вещи он меня точно излечил.

Глава одиннадцатая

Я приходила к мистеру Бартону еженедельно, пока училась в средней школе Святой Марии. Мы встречались даже в каникулы, когда школа открывала свои двери для летних мероприятий горожан. В последний раз я пришла к нему в тот день, когда мне исполнилось восемнадцать. Год назад я сдала экзамены на аттестат зрелости, а в то утро узнала, что меня приняли в гарда шихана. Через несколько месяцев мне предстоял переезд в Корк для учебы в Темплмо.

– Здравствуйте, мистер Бартон, – поздоровалась я, когда он вошел в маленький кабинет, который совершенно не изменился со дня нашей первой встречи.

Мой консультант оставался таким же молодым и красивым, и я любила в нем каждый дюйм.

– Сэнди, повторяю в сотый раз: перестань называть меня мистером Бартоном. Я кажусь себе стариком.

– А вы и есть старик, – поддразнила его я.

– Тогда ты – старуха, – небрежно бросил он, и между нами вклинилась тишина. – Ну ладно, – деловым тоном изрек он, – о чем ты размышляла на этой неделе?

– Сегодня меня приняли в полицию.

Он остолбенел. От счастья? От огорчения?

– Здорово, Сэнди! Мои поздравления. Тебе это удалось. – Он подошел и крепко обнял меня.

Мы не двигались на секунду дольше, чем должны бы.

– Как мама с папой отнеслись к этому?

– Они еще не знают.

– Наверное, расстроятся из-за твоего отъезда.

– Так будет лучше. – Я смотрела в сторону.

– Знаешь, тебе не удастся оставить все свои проблемы в Литриме, – мягко произнес он.

– Не удастся. Но я оставлю здесь людей, которые о них знают.

– Собираешься время от времени приезжать погостить?

Я посмотрела ему прямо в глаза. Мы все еще говорим о родителях?

– Как только смогу.

– А часто сможешь?

Я пожала плечами.

– Они всегда тебя поддерживали, Сэнди.

– Я не могу стать такой, как им хочется, мистер Бартон. Им со мной некомфортно.

Он бросил на меня выразительный взгляд, а потом понял, что я использовала это обращение сознательно, пытаясь возвести между нами стену.

– Они всего лишь хотят, чтобы ты была самой собой, и ты это знаешь. Тебе нечего себя стыдиться. Они тебя любят такой, какая ты есть.

Он смотрел на меня так, что я снова засомневалась, о родителях ли мы сейчас говорим.

Я оглядела комнату. Он знал обо мне все, совершенно все, а я безошибочно чувствовала абсолютно все, что касалось его. Он по-прежнему оставался холостяком, жил один, невзирая на то, что за ним охотились все девушки

Литрима. Неделя за неделей он пытался уговорить меня принимать вещи такими, какие они есть, и послушно следовать движению жизни, но если существовал мужчина, наглухо заперший на замок собственную жизнь в ожидании неизвестно чего или кого, то это был именно он.

Он прочистил горло.

– Я слышал, в выходные ты гуляла с Энди Маккарти.

– Ну и что?

Он устало потер лицо и снова позволил тишине разделить нас. Мы оба это отлично умели. Нас научили четыре года психотерапии, когда я обнажала перед ним свою душу, но при этом каждое новое произнесенное слово еще на шаг отдаляло меня от обсуждения единственной темы, поглощавшей все мои мысли почти в каждый момент почти каждого дня.

– Тогда расскажи, – мягко попросил он.

Это был наш последний сеанс, и я больше ни о чем не могла думать. У него по-прежнему не находилось для меня ответов.

– Ты пойдешь в пятницу на маскарад? – Он уловил мое настроение.

– Да, – ухмыльнулась я, – не представляю лучшего способа распрощаться с этим городом, чем пройтись по нему, переодевшись кем-нибудь другим.

– И кем ты собираешься нарядиться?

– Носком.

Он громко засмеялся:

– Энди не пойдет с тобой?

– А разве мои носки всегда ходят парой?

Он приподнял бровь, показывая, что хотел бы услышать больше.

– Он не понял, почему я перевернула его квартиру вверх дном, когда пыталась найти приглашение.

– А где оно лежит, как ты думаешь?

– Там же, где и все остальное. Вместе с моей головой. – Я устало потерла глаза.

– С ней все в порядке, Сэнди… Итак, ты идешь работать в полицию. – Он неуверенно улыбнулся.

– Вас беспокоит будущее нашей страны?

– Нет, – засмеялся он. – По крайней мере, теперь я уверен, что мы в надежных руках. Своими вопросами ты уж точно затерзаешь преступников до смерти.

– У меня прекрасный учитель. – Я заставила себя тоже усмехнуться.

Мистер Бартон пришел в пятницу на маскарад. В костюме носка, что меня очень насмешило. Вечером он отвез меня домой, и в машине мы все время молчали. После стольких лет беспрерывных разговоров ни один из нас не знал, что сказать. Возле дома он наклонился и поцеловал меня в губы – жадным и долгим поцелуем. Это было так, будто мы одновременно говорили друг другу «здравствуй» и «прощай».

– Как жаль, что мы с вами скроены по разным лекалам, Грегори. Из нас могла бы получиться хорошая пара, – грустно промолвила я.

Я ждала, что он ответит: из нас получится самая идеальная неправильная пара. Но он, наверное, согласился с моими словами, потому что сел в машину и уехал.

Чем больше у меня было партнеров, тем больше я убеждалась в том, что мы с Грегори – самая лучшая из всех возможных пар. Выходит дело, ломая голову над самыми трудными вопросами, которые ставила передо мной жизнь, я ухитрилась проглядеть самые очевидные ответы, – а они лежали у меня прямо перед носом.

Глава двенадцатая

Хелена с любопытством разглядывала меня сквозь янтарное пламя костра, а тени от огня плясали над ней и облизывали ее лицо. Остальные члены группы продолжали предаваться воспоминаниям о славном рок-н-ролльном прошлом Дерека, радуясь возможности сменить тему и не возвращаться к моему вопросу о том, где же мы все-таки находимся. Оживленный разговор возобновился, но без меня, и не только. Не без труда оторвав взгляд от усыпанной пеплом земли, я позволила ему встретиться с глазами Хелены.

Она дождалась, пока у костра установится тишина, а потом спросила меня:

– Чем вы зарабатываете на жизнь, Сэнди?

– Ой, да, – возбужденно подхватила Джоана, согревая руки чашкой с чаем. – Расскажите нам.

Все внимание было обращено на меня, и я задумалась над вариантами ответа. Зачем врать?

– Я руковожу агентством, – начала я и остановилась.

– Каким? – спросил Бернард.

– Модельным, да? – спросила Джоана уверенным тоном. – С такими ногами, как у вас, это наверняка модельное агентство, готова спорить. – Чашку она держала совсем рядом с губами, отставив мизинец, который торчал вверх и походил на сделавшую стойку охотничью собаку.

– Джоана, она сказала, что руководит агентством, а не работает в нем. – Бернард покачал головой, и его подбородок тут же задрожал.

– На самом деле это агентство по розыску лиц, пропавших без вести.

Наступила тишина. Они пристально всматривались в мое лицо, а потом переглянулись и громко расхохотались. Все, кроме Хелены.

– Ох, Сэнди, классная шутка. – Бернард вытер уголки глаз носовым платком. – Так что же это за агентство, если серьезно?

– Актерское, – выскочила с ответом Хелена, опередив меня.

– Как ты догадалась? – спросил Бернард, слегка обиженный тем, что она о чем-то узнала раньше него. – Ты же сама первая спросила, где она работает.

– Она шепнула мне, пока вы все хохотали. – Хелена махнула рукой, как бы подводя черту.

– Актерское агентство! – Джоана смотрела на меня, широко раскрыв глаза. – Вот здорово! Мы поставили несколько отличных спектаклей в зале «Финбар», – пояснила она. – Помните? – повернулась она к друзьям. – «Юлий Цезарь», «Ромео и Джульетта»… И это только великие пьесы Шекспира. А Бернард был…

Бернард громко закашлял.

– Ох, прости, – покраснела Джоана, – Бернард – фантастический актер. Он так убедительно играл Основу в «Сне в летнюю ночь». Вы в своем агентстве, несомненно, были бы счастливы работать с ним.

И они опять принялись болтать, вспоминая разные старые истории. Хелена обошла костер и села рядом со мной.

– Должна заметить, вы преуспели в своей специальности, – фыркнула она.

– Зачем вы это сделали? – спросила я, имея в виду ее вмешательство.

– О, им нельзя этого говорить. Особенно Джоане, у которой такой тихий голосок, что она все время старается кому-нибудь что-нибудь рассказать, с единственной целью – убедиться, что ее слышат, – съязвила она, но при этом взглянула на подругу с нежностью. – Если кто-то узнает, что вы руководите агентством по розыску пропавших без вести лиц, вас замучают вопросами. Все решат, будто вы

прибыли сюда, чтобы отвести нас домой.

Было не очень понятно, шутка это или вопрос. В любом случае, она не улыбнулась, а я не ответила.

– А кому тут можно что-то рассказать? – Я уставилась на молчаливый черный лес.

За два дня я не встретила ни одной живой души.

На лице Хелены по-прежнему читалось любопытство.

– Сэнди, здесь есть и другие люди, чтоб вы знали.

Мне с трудом верилось, что в этой темной и молчаливой глуши может кто-то жить. Разве что лешие.

– Вы же знаете нашу историю, правда? – Хелена продолжала говорить тихо, чтобы остальные не услышали.

Я кивнула, набрала побольше воздуха в легкие и начала:

– «Пятеро учеников числятся пропавшими без вести. Они исчезли во время школьного турпохода в Раундвуд в графстве Уиклоу. Шестнадцатилетние Дерек Каммингс, Хелена Диккенс, Маркус Флинн, Джоана Хэтчард и Бернард Линч из средней школы Святого Кевина для девочек и мальчиков в Блэкроке собирались посетить Глендалу, однако сегодня утром исчезли из своих палаток».

Глаза Хелены были полны слез и такого по-детски настойчивого любопытства и внимания, что я почувствовала себя обязанной процитировать газетную статью слово в слово, тщательно подбирая правильную интонацию. Мне хотелось передать чувства, охватившие страну в самую первую неделю, я стремилась точно выразить всю любовь и поддержку, которую демонстрировали по отношению к пятерке пропавших школьников абсолютно чужие люди. Я ощущала, что просто обязана это сделать – ради всех, кто молился за их возвращение. И считала, что Хелена должна это услышать – она это заслужила.

– «Как заявили сегодня в полиции, проверены все версии, хотя не исключено, что что-то пока упущено. Просьба ко всем, кто располагает хоть какой-нибудь информацией, обращаться в полицейские участки Раундвуда или Блэкрока. Все ученики школы Святого Кевина собрались, чтобы вместе помолиться за своих товарищей, а местные жители принесли к месту происшествия цветы».

Я замолчала.

– Что у тебя с глазами, Хелена? – заботливо спросил Бернард.

– Да так, – шмыгнула носом Хелена, – ерунда. Просто искра от костра попала. – Она промокнула их уголком шали.

– Дай-ка посмотрю, – воскликнула Джоана, подходя поближе и вглядываясь. – Да нет, вроде все в порядке, глаз только покраснел и слезится. Наверно, из-за дыма.

– Все нормально, спасибо, – проговорила Хелена, смущенная их заботой, и болтовня вокруг костра продолжилась.

– С такими талантами можете поступать на работу в мое агентство.

Хелена усмехнулась и снова замолчала. Я почувствовала, что должна что-то сказать:

– Знаете, они так и не перестали вас искать.

Она издала какой-то тихий звук. Сдержать его она не смогла – он вырвался прямиком из сердца.

– Ваш отец осаждал каждого вновь назначенного комиссара полиции и министра внутренних дел. Стучался в каждую дверь и искал вас под каждой травинкой. Лично убедился в том, что всю местность прочесали густым гребнем. Что же касается мамы, вашей удивительной мамы…

Хелена улыбнулась, услышав это.

– Она создала организацию, помогающую советами семьям, у которых пропал кто-то из близких. Она называется «Свет над крыльцом», потому что многие такие семьи оставляют гореть лампочку над входной дверью – как маяк – в надежде, что однажды их любимые вернутся. Она неутомимо занимается благотворительностью, открывает отделения организации по всей стране. Ваши родители никогда, никогда не сдавались. Ваша мать и сейчас не сдается.

– Она жива? – Ее глаза снова наполнились слезами.

– Мне горько говорить об этом, но ваш отец скончался несколько лет назад. – Я подождала, давая ей время переварить печальную новость, а потом продолжила: – Ваша мать по-прежнему активно работает в «Свете над крыльцом». Я была на их ежегодном обеде в прошлом году и имела удовольствие встретиться с ней и сказать ей, что она необыкновенная женщина. – Я опустила взгляд на руки и прочистила горло: роль вестника оказалась не из легких. – Она говорила, что я должна продолжать работу, и выразила надежду, что мне когда-нибудь удастся отыскать ее любимую дочь.

Голос Хелены звучал едва слышным шепотом:

– Расскажите мне о ней.

И я позабыла о собственных невзгодах и поудобнее устроилась у костра, готовая выполнить ее просьбу.

– …Я не хотела ни в какой турпоход, – горячо говорила Хелена, взволнованная всем, что я рассказала ей о матери. – Просила их не отправлять меня.

Все это я знала, но слушала, ловя каждое слово, – ведь впервые прекрасно известную мне историю излагал один из ее главных персонажей. Как будто моя любимая книга оживала на сцене.

– Мне хотелось вернуться домой на выходные. Был один мальчик… – Она подмигнула мне. – Разве не всегда все дело в мальчике?

Я не была в этом уверена, но все равно улыбнулась в ответ.

– В соседний дом переехал новый мальчик. Сэмюель Джеймс, так его звали. Самое красивое создание на свете. – Ее глаза блестели, словно искры от костра зажгли зрачки. – Я встретилась с ним тем летом, сразу влюбилась, и мы сказочно проводили время вместе. Грешили… – Она приподняла брови, а я усмехнулась. – Последние два месяца, с тех пор как начался новый учебный год, я ужасно скучала по нему. Рыдала и умоляла родителей забрать меня из школы, но все впустую. Они меня наказывали, – произнесла она с горькой ухмылкой. – На экзамене по истории у меня отняли шпаргалку и на той же неделе поймали с сигаретой во дворе за школой. Недопустимо – даже по моим меркам. Вот и пришлось мне тащиться в этот поход, потому что они решили: стоит разлучить меня с лучшими друзьями, и я сразу превращусь в ангела. В конце концов, я действительно оказалась наказанной. Только не уверена, что по заслугам.

– Конечно нет, – активно запротестовала я. – Как вы сюда попали?

Хелена вздохнула:

– Мы с Маркусом договорились встретиться вечером, когда все уйдут спать. Он единственный припас пачку сигарет, поэтому еще два мальчика увязались за ним, ну и Джоана, конечно. – Хелена нежно взглянула на подругу, сидящую по другую сторону от костра. – Она боялась оставаться в палатке одна. Мы отошли от лагеря, чтобы учителя не увидели огоньки сигарет и не учуяли запах. Шли совсем недолго, всего несколько минут, однако очутились именно здесь. – Она пожала плечами. – Другого объяснения у меня нет.

– Наверное, ужасно испугались?!

– Не больше, чем вы. – Она подмигнула. – К тому же мы были вместе. Не знаю, как бы я со всем этим справилась в одиночку.

Она ждала, что я что-нибудь отвечу, но я молчала. Не в моем характере изливать душу. Если только не перед Грегори.

– Вы, наверное, еще не родились, когда мы пропали. Откуда вам столько известно?

– Я росла крайне любознательным ребенком.

– Любознательным – это точно. – Она снова принялась изучать меня, и я отвела взгляд, посчитав ее внимание излишне назойливым.

– Вы что-то знаете о семьях остальных? – Она кивнула на сидящих у костра.

– Да. – Я по очереди взглянула на каждого и увидела за ними лица их родителей. – Знать – это стало делом всей моей жизни. Я годами изучала историю каждого из вас и мечтала, что когда-нибудь мне доведется узнать, что хоть кто-то вернулся домой.

– Что ж, спасибо. Теперь благодаря вам мне кажется, что я пусть всего на шаг, но стала ближе к дому.

Мы помолчали. Хелена погрузилась в воспоминания.

Потом она снова заговорила:

– Моя бабушка была гордой женщиной, Сэнди. Она вышла замуж за дедушку в восемнадцать лет, и они родили шестерых детей. Ее младшая сестра, которую никак не удавалось выдать замуж, спуталась с каким-то загадочным мужчиной, чье имя так и осталось тайной, и ко всеобщему потрясению родила мальчика. – Хелена фыркнула. – То, что ребенок оказался почти точной копией моего дедушки, не прошло для бабушки незамеченным. Как и шиллинги, исчезавшие из семейной шкатулки в тот же самый день, когда у мальчика появлялась новая одежда. Конечно, все это чистое совпадение, – монотонно пробубнила она, укладывая ногу на ногу, – ведь в стране много голубоглазых мужчин с каштановыми волосами, а дедушкина слабость к выпивке хорошо объясняла дыры в семейном бюджете. – Ее глаза сверкнули.

Я смущенно посмотрела на нее.

– Прошу прощения, Хелена, но не очень понимаю, зачем вы мне все это рассказываете.

Она улыбнулась:

– Ваше появление здесь, перед нами, тоже можно счесть одним из величайших совпадений.

Я кивнула.

– Только моя бабушка никогда не верила в совпадения. Как и я. Вы здесь по какой-то причине, Сэнди.

Глава тринадцатая

Хелена подбросила в угасающий костер очередную ветку, под весом которой по стенкам пылающей башенки скатился свежий пепел. Тлеющие угольки вспыхнули с новой силой, и пламя сонно поползло вверх по сучьям, посылая нам с Хеленой свое тепло.

Мы проговорили с ней несколько часов. Я посвятила ее в мельчайшие детали жизни ее семьи. Как только я поняла, в какой компании оказалась, меня начало охватывать странное чувство. Оно подступало очень медленно, накатывало волнами, и после каждой такой волны веки все больше наливались тяжестью, мысли текли медленнее, а мышцы расслаблялись. Все это происходило постепенно, но, поверьте, достаточно ощутимо.

Всю жизнь окружающие твердили мне, что вопросы, которые я задаю людям, лишены смысла, а от чрезмерного интереса, который я питаю к пропавшим, никакой практической пользы. И вдруг здесь, в этом лесу, выясняется, что каждый мой глупый, бестактный, бессмысленный и ненужный вопрос, касавшийся Хелены Диккенс, лично для нее имел огромное значение. А мне стало ясно, что и у бесконечного поиска, и у нескончаемых вопросов, задаваемых себе и другим, есть вполне реальная причина. Но еще больше потрясло меня то, что эта причина была не единственной, – рядом со мной у костра сидели еще четыре такие же.

Ох, какое облегчение. Его-то я и почувствовала. Впервые с того дня, как мне исполнилось десять лет, тяжесть, постоянно давившая мне на плечи, исчезла.

Над соснами посветлело, в верхушках зажглось солнце, день прогонял ночь, и небо постепенно окрашивалось прохладной голубизной. Птицы, молчавшие все темное время суток, теперь разогревали голосовые связки, и это походило на звучащий вразброд оркестр, настраивающий перед началом концерта инструменты. Бернард, Дерек, Маркус и Джоана заснули в спальных мешках, укрывшись одеялами, и выглядели так же, как в ту памятную ночь школьного турпохода. Интересно, тогда они тоже спали или бродили по лесу? И что им снилось все эти годы? Может, хотя бы во сне они снова обнимали своих близких? Или потайная дверца в наш мир захлопнулась за ними раз и навсегда?

Случайно мы все здесь очутились или нет? Может, мы попали в трещину, возникшую при сотворении Земли, провалились в черную дыру на ее поверхности? Или все это – некая часть жизни, о которой на протяжении столетий никто ни разу не догадался? Может, мы заблудились и пропали без вести, а может, наоборот, мы – выходцы из здешних мест и наша так называемая нормальная жизнь на самом деле – всего лишь чья-то ошибка? Вдруг это место предназначается для тех, кто считает себя неудачником, и только тут наконец-то чувствует облегчение? Несмотря на то что я вроде бы избавилась от гнетущей тяжести, вопросы продолжали сыпаться. Мир вокруг стал другим, но что-то в нем осталось неизменным.

– Вы здесь счастливы? – Я окинула взором спящих. – Каждый из вас?

Хелена мягко улыбнулась.

– Все мы задавались вопросом, почему это с нами произошло, но так и не нашли ответа. Да, мы счастливы. У каждого из нас жизнь, полная счастья. – Она помолчала, потом снова заговорила, поглядывая на меня с каким-то загадочным и одновременно довольным выражением лица, будто радовалась понятной только ей шутке. – Вы можете верить или не верить, Сэнди, но мы все очень счастливы. Мы прожили тут гораздо больше лет, чем в том, другом мире. Для нас прошлое – приятное, но далекое воспоминание.

Я окинула взглядом местность вокруг костра. У них ничего не было. Только маленькие дорожные сумки, а в них – чайные пакетики, фарфоровая посуда, совершенно здесь неуместная, и печенье. Еще одеяла и спальные мешки, свитера и теплые шарфы. Неподалеку я заметила еще кое-что из одежды, сложенной в стопки. Пять человек спали под открытым небом, завернувшись в одеяла, и единственными источниками тепла и света им служили солнце и

костер. И так на протяжении сорока лет. Как они могли быть по-настоящему счастливы? Не рваться отчаянно назад, к нормальной жизни, в которой существуют принадлежащие нам вещи и желанное общество других людей?

Я разглядывала все, что меня окружает, и качала головой.

Хелена приподняла брови.

– Что вас удивляет?

– Извините. – Я смутилась. Она поймала меня на том, что жизнь, которая их вроде вполне устраивает, показалась мне жалкой. – Просто сорок лет – такой долгий срок, чтобы провести его… – я подняла глаза на поляну, – чтобы провести его здесь.

На лице Хелены вспыхнуло изумление.

– Ох, простите, простите, пожалуйста. – Я смутилась еще больше. – Мне вовсе не хотелось вас обидеть…

– Сэнди, Сэнди, – прервала она меня. – Но это вовсе не весь наш мир.

– Знаю, знаю, – закивала я. – Вы есть друг у друга, и потом…

– Да нет же. – Хелена засмеялась и одновременно залилась краской смущения. – Извините, я думала, вы знаете. Каждый год мы вместе отправляемся в лес к костру, чтобы отметить годовщину нашего исчезновения. Я решила, что вы вспомните дату. Именно на эту поляну мы попали в самом начале, сорок лет назад. Точнее, именно в этом месте мы впервые осознали, что уже не дома. В остальное время мы тоже поддерживаем отношения, однако у каждого из нас более или менее самостоятельная жизнь.

– Как это? – растерялась я.

– Люди все время пропадают без вести, вы же знаете. И там, где они собираются, начинается жизнь, зарождается цивилизация. Сэнди, в пятнадцати минутах ходьбы отсюда лес заканчивается и начинаются совершенно новые

края.

Я была потрясена. Открывала и закрывала рот, но не могла произнести ни слова.

– Интересно, что вы попали сюда именно сегодня, а не в какой-то другой день, – задумчиво сказала Хелена.

Я вскочила:

– Вставайте же, быстрее. Покажите мне эти места, о которых вы говорите. Не будем никого будить.

– Нет. – Голос Хелены стал жестким, а улыбка быстро увяла.

Она протянула руки и схватила меня за запястья. Я попыталась вырваться, потому что контакт мне не понравился, но это ее не остановило. Я не могла пошевельнуться – так крепко она меня держала. Ее лицо окаменело.

– Мы не бросаем друг друга, не исчезаем и не уходим без предупреждения. Будем сидеть здесь, пока они не проснутся.

Она отпустила меня и покрепче укуталась в палантин, снова становясь той самой осторожной женщиной, какой была вечером. Потом пристально оглядела своих друзей, словно стояла на часах, и я вдруг поняла, что она бодрствовала всю ночь вовсе не из-за меня. Просто подошла ее смена.

– Мы останемся здесь, пока они не проснутся, – повторила она твердо.

Джек сидел на краю кровати и смотрел на Глорию, которая спала с легкой улыбкой на лице. Было раннее утро понедельника, и он как раз вернулся домой. Напрасно прождав Сэнди Шорт, так и не явившуюся на встречу, он весь день объезжал окрестные мотели и гостиницы, чтобы выяснить, не остановилась ли она там. Существовало столько причин, способных помешать ей прийти в кафе: он убедил себя, что ее отсутствие вовсе не означает прекращение поисков. Она могла просто проспать или задержаться в Дублине и не попасть в Лимерик. Вдруг у нее умер кто-то из родственников или какое-то другое дело срочно

увлекло ее из Лимерика? Может быть, именно сейчас она едет к нему, сквозь ночь пробираясь к Глайну. Он изобретал самые разные теории, но мысль о том, что она сознательно бросила его, не посетила Джека ни разу.

Произошла какая-то ошибка, вот и все. Сегодня в обеденный перерыв он вернется в Глайн и узнает, не приехала ли она. Семь дней он жил в ожидании этой встречи и не собирался сдаваться. За неделю телефонных переговоров Сэнди дала ему гораздо больше надежды, чем кто бы то ни было за весь прошедший год. Их беседы поддерживали в нем уверенность, что она его не оставит.

Он собирался все рассказать Глории, действительно собирался. Уже протянул руку, чтобы дотронуться до ее плеча и осторожно потрясти, но рука остановилась на полпути. Наверное, лучше подождать, пока он не встретится с Сэнди. Глория сонно вздохнула, подтянула колени к груди и перевернулась на другой бок.

Она удобно угнездилась под одеялом, повернувшись спиной к Джеку и его протянутой руке.

Глава четырнадцатая

Ровно за неделю до того дня, когда Сэнди не пришла на назначенную встречу, Джек осторожно закрыл дверь спальни, примыкающей к гостиной, чтобы не потревожить спящую Глорию. На диване валялись открытые «Желтые страницы», настойчиво следившие за ним, пока он двигался по дальней стороне комнаты, посматривая поочередно то на телефонную книгу, то на дверь спальни. Он остановился и повел пальцем по странице, пока не нашел нужную строчку. Организация «Свет над крыльцом», помощь родным и близким пропавших без вести. После исчезновения Донала Джек вместе с сестрой Джудит пытались уговорить мать обратиться в «Свет над крыльцом», но та отказалась – помешала въевшаяся ирландская привычка никогда не обсуждать свои проблемы с посторонними. Под объявлением значился также телефон агентства по розыску пропавших лиц и имя – Сэнди Шорт. Он взял мобильный и на всякий случай включил телевизор, чтоб заглушить разговор, – вдруг Сэнди не спит и возьмет трубку. Набрал номер, который записал в телефон, когда

впервые наткнулся на объявление. Звонок прозвучал дважды, а потом женский голос ответил:

– Алло!

Джек вдруг позабыл, что собирался сказать.

– Алло! – на этот раз голос звучал мягче. – Грегори, это ты?

– Нет. – Он наконец-то вновь обрел дар речи. – Меня зовут Джек, Джек Раттл. Я нашел ваш номер в «Желтых страницах».

– Ох, извините! – Женщина вновь заговорила деловым тоном: – Я ждала другого звонка. Меня зовут Сэнди Шорт, – представилась она.

– Здравствуйте, Сэнди. – Джек расхаживал по маленькой гостиной, пробираясь между неровно разложенными разномастными ковриками, покрывающими старые деревянные половицы. – Извините, что так поздно звоню. – Проходя мимо спальни, он ускорил шаг.

– Не беспокойтесь. Звонок в ночной час – сладкий сон страдающего бессонницей, извините за каламбур. Чем могу помочь?

Он остановился и схватился за голову. Что он делает?

Голос Сэнди снова стал мягким:

– Кто-то из ваших близких пропал?

– Да, – только и смог ответить Джек.

– Сколько времени прошло с тех пор? – Он слышал, как она ищет бумагу.

– Год. – Джек присел на валик дивана.

– Как зовут этого человека?

– Донал Раттл. – Он проглотил комок в горле.

Сэнди помолчала, потом повторила:

– Да, Донал, – в голосе прозвучало узнавание. – Вы его родственник?

– Брат… – Голос Джека сорвался, и он понял, что не сможет продолжать.

Нужно сделать паузу, а потом начать жить снова, как все остальные члены семьи. Что за глупость – решить, будто женщина из телефонной книги, страдающая бессонницей, женщина, которой просто некуда девать время, сможет добиться успеха в деле, оказавшемся не по зубам полиции.

– Извините, мне действительно очень неловко. Зря я вас потревожил, – с трудом выдавил он. – Простите, что потратил ваше время.

Он быстро прервал связь и плюхнулся на диван, прямо на свои папки, смущенный и выдохшийся, роняя на пол фотографии улыбающегося Донала.

Через минуту мобильный зазвонил. Он быстро протянул за ним руку, испугавшись, как бы звонок не разбудил Глорию.

– Донал? – выдохнул он, вскакивая.

– Джек, это Сэнди Шорт.

Молчание.

– Вы всегда так отвечаете на звонки? – спокойно спросила она.

Он не находил слов.

– Если да и вы все еще ждете, что брат позвонит, значит, вы обратились по адресу. Вы так не считаете?

Сердце колотилось у него в груди.

– Как вы узнали мой номер?

– По определителю.

– Мой номер не определяется.

– Я ищу людей, Джек. Это моя работа. И есть шанс, что мне удастся разыскать Донала.

Он взглянул на разбросанные вокруг фотографии. Младший брат дерзко улыбался ему со всех сторон, как в детстве, словно приглашал сыграть в прятки.

– Вы вернулись? – спросила она.

– Да, я слушаю, – ответил он, направляясь на кухню, чтобы налить себе кофе и приготовиться к долгому бдению.

На следующую ночь, ровно в два часа, когда Глория спала, Джек, разложив перед собой сотни страниц полицейских отчетов, прилег на диван и набрал номер Сэнди.

– Вижу, вы разговаривали с друзьями Донала, – сказала Сэнди, и Джек услышал, как она листает страницы, которые он прислал ей днем по факсу.

– По многу раз, – ответил он устало. – На самом деле я собираюсь еще раз поговорить с одним из них в субботу, когда буду в Трали. Я там записался на прием к стоматологу, – добавил он неожиданно для самого себя и тут же удивился, зачем это сделал.

– Стоматолог – бр-р-р, пусть мне лучше выколют глаза, – пробормотала она.

Джек рассмеялся.

– Что, в Фойнсе нет зубных врачей?

– Мне нужен специалист.

Он различил в ее голосе улыбку.

– А в Лимерике специалистов нет?

– Ладно, ладно, – сдался он, – вообще-то я хотел задать другу Донала еще несколько вопросов.

– Трали, Трали, – повторила она, листая бумаги. – Ага. – Шелест листов прекратился. – Эндрю из Трали, приятель по колледжу, работает веб-дизайнером.

– Да, он.

– Вряд ли Эндрю известно что-то еще, Джек.

– Откуда вы знаете?

– Сужу по его ответам на вопросы полиции.

– Я их вам не присылал, – насторожился Джек.

– Когда-то я сама работала в полиции. Так сложилось, что это практически единственное место, где мне удалось найти друзей.

– Мне нужно видеть это досье. – Сердце Джека учащенно забилось.

Появилось что-то новое, неизвестные ему сведения, и их можно анализировать долгими ночами.

– Мы можем встретиться в ближайшее время. – Она вежливо ушла от ответа. – Полагаю, еще один разговор с Эндрю не повредит.

Он услышал, как она снова листает страницы.

– Что вы ищете?

– Фотографию Донала.

Джек вынул ее из кучи бумаг и тоже стал на нее смотреть. Он уже привык к ней, и с каждым днем она становилась все больше похожа просто на снимок, а не на его брата.

– Симпатичный парень, – сделала комплимент Сэнди. – У него красивые глаза. Вы с ним похожи?

Джек засмеялся:

– После ваших слов мне хочется ответить «да».

Они продолжили изучать бумаги.

– Вы не спите? – спросила Сэнди.

– Нет. С тех пор, как пропал Донал. А вы?

– Я никогда не была соней.

Джек прыснул.

– В чем дело? – вскинулась Сэнди.

– Да ни в чем. Просто мне понравилось, как вы сказали «соня», – ответил он весело, подгребая листы бумаги на колени.

В глубокой тишине дома он вслушивался в дыхание и голос Сэнди и пытался представить себе, как она выглядит, где находится и о чем думает.

После продолжительного молчания ее голос прозвучал спокойнее:

– Я держу в уме множество данных о пропавших без вести. Мне приходится много размышлять, заглядывать в разные углы и задавать кучу вопросов, и потому сон с трудом пробивается ко мне. Во сне никого не отыщешь.

Джек взглянул на закрытую дверь спальни и согласился с Сэнди.

– Вот только зачем я все это вам рассказываю – сама не знаю, – проворчала она сквозь шелест бумажных листов.

– Скажите честно, Сэнди, какой у вас процент успеха?

Шелест стих.

– Это зависит от того, насколько сложное дело. Не хочу обманывать: случай Донала – трудный. Широкомасштабные поиски уже провели, и ничего не нашли. В подобных ситуациях у меня немного шансов. Обычно я нахожу примерно сорок процентов пропавших без вести. Но вы должны знать, что не все, кого мне удается отыскать, возвращаются к семьям. К этому нужно быть готовым.

– Я готов. Если Донал лежит где-то в яме, я хочу вернуть его, чтобы мы могли нормально похоронить его и устроить поминки.

– Я не это имела в виду. Иногда люди сознательно исчезают.

– Донал так бы не сделал, – возразил Джек, вздохнув с облегчением.

– Может, и нет. Но я знаю случаи, когда люди, очень похожие на Донала, из семей, очень похожих на вашу, по собственной воле ломали привычную жизнь, ни словом не предупредив близких.

Джек медленно переваривал услышанное. Ему не приходило в голову, что Донал мог решиться на такое. Нет, это в высшей степени неправдоподобно.

– Вы мне скажете, где он, если найдете его?

– Если он не захочет, чтобы его нашли? Нет, не скажу.

– Но что нашли его, сообщите?

– Это зависит от вашей готовности согласиться, что никогда не узнаете, где он.

– Я только хочу знать, что он жив, здоров и счастлив, где бы он ни был.

– Что ж, тогда я вам скажу.

После долгого молчания Джек спросил:

– У вас много работы? Разве в тех редких случаях, когда люди пропадают без вести, их близкие не обращаются в полицию?

– У меня и впрямь немного таких сложных дел, как исчезновение Донала, но всегда есть, кого или что искать. Кроме того, есть исчезновения, которыми полиция не может и не хочет заниматься.

– Например?

– Вы и вправду хотите это знать?

– Я хочу знать все. – Джек посмотрел на часы: полтретьего ночи. – К тому же мне все равно нечего делать.

– Ладно, слушайте. Иногда я нахожу людей, с которыми давно утрачены все контакты – забытых дальних родственников, бывших школьных друзей… Иногда приемные дети пытаются отыскать своих биологических родителей, ну и прочее в том же духе. Я сотрудничаю с Армией спасения, стараюсь отслеживать человеческие судьбы. Но есть гораздо более серьезные случаи, например, когда люди исчезают по собственному желанию, и семьи просто хотят узнать, где они.

– Но откуда полицейским известно, что человек пропал по собственной воле?

– Некоторые оставляют записки, сообщают, что не хотят возвращаться. – Он услышал, как зашуршала бумага. – Иногда берут с собой личные вещи, а кто-то перед уходом выражает недовольство тем, как ему жилось.

– Что вы едите?

– Шоколадный бисквит, – ответила она с полным ртом, прожевала и проглотила кусок. – Извините, вы хорошо меня слышите?

– Ну да, вы едите шоколадный бисквит.

– Нет, я не про это, – усмехнулась она.

Джек уточнил:

– Значит, люди приходят к вам, когда полиция отказывается заниматься их делом.

– Именно. С помощью других ирландских агентств по поиску пропавших лиц я веду много дел, которые в полиции квалифицируются как неопасные. Если человек оставил дом по собственному желанию, его не могут признать пропавшим без вести. Правда, родственники и друзья от этого беспокоятся не меньше.

– То есть об этих людях просто забывают?

– Нет, в участке регистрируют заявление, но масштаб розыскных мероприятий оставляют на усмотрение местной полиции.

– А что, если человек, чувствовавший себя невероятно несчастным, решил немножко побыть в одиночестве, упаковал чемоданы, а потом взял и пропал по-настоящему? Никто не станет искать его только потому, что он выражал недовольство своей жизнью? Но ведь мы все время от времени жалуемся на жизнь, разве нет?

Сэнди молчала.

– Я не прав? Вот вы, разве вы не хотели бы, чтобы вас нашли?

– Джек, я скажу вам одно. Единственная вещь, которая приводит в отчаяние больше, чем невозможность кого-то отыскать, – это когда не могут найти тебя. Я бы очень хотела, чтобы меня кто-нибудь нашел. Больше всего на свете хотела бы, – твердо сказала она.

Они оба помолчали в задумчивости.

– Пожалуй, я уже пойду, – зевнул Джек. – Мне через несколько часов на работу. А вы собираетесь ложиться спать?

– Попозже. Сначала еще раз прочитаю досье.

Джек озадаченно покачал головой.

– Хочу, чтоб вы знали: даже если вы скажете, что никого никогда не найдете, я все равно буду ждать вашего звонка.

Она ответила не сразу:

– А я, даже если действительно никого не найду, буду ждать вашего.

Глава пятнадцатая

Джек проснулся раньше Глории, как обычно. Ее голова покоилась у него на груди, длинные каштановые волосы рассыпались и щекотали ребра. Он тихо и осторожно отодвинулся и выскользнул из постели. Глория сонно мяукнула и устроилась поудобнее. Он принял душ, оделся и вышел из дома, а она все еще спала.

По утрам он всегда просыпался первым, чтобы к восьми успеть на работу. Глория, водившая экскурсии по плавучему кораблю-музею Фойнса, начинала не раньше десяти. Музей, главная туристическая достопримечательность городка, был посвящен истории Фойнса в 1939–1945 годы, когда здесь находился авиационный центр мира, потому что через здешний аэродром шло воздушное сообщение между США и Европой. Говорливая и дружелюбная Глория,

владевшая несколькими иностранными языками, с марта по октябрь работала здесь гидом.

Помимо музея, городок славился еще изобретением айриш-кофе[5 - Айриш-кофе – кофе по-ирландски, горячий напиток из крепкого кофе, сахара, ирландского виски и взбитых сливок.]. В промозглую погоду людям, мерзнущим на аэродроме в ожидании самолета, требовалось что-нибудь покрепче обычного кофе. Так и появился кофе по-ирландски.

Еще несколько дней, и в Фойнс съедутся музыкальные группы для участия в летнем Фестивале айриш-кофе, фермеры устроят на музейной площади рынок, соберутся участники и болельщики регаты, дети разрисуют городской асфальт. А спонсором праздничного фейерверка выступит, как всегда, компания Шеннон-Фойнс-Порт, куда этим утром и направлялся Джек.

Джек поздоровался с коллегами, перебросился кое с кем из них парой слов, устроился в гигантском металлическом кране и приступил к погрузке корабля. Он любил свою работу. Ему нравилось думать, что где-то на чужой земле кто-то такой же, как он, будет выгружать старательно уложенные им контейнеры. Ему нравилось ставить вещи на место. Он верил, что у всего на свете должно быть свое место: у каждой единицы груза, хранящегося на складе в доке, у каждого мужчины и каждой женщины, работающих вместе с ним. Свое место, своя роль в жизни. Весь день он занимался одним и тем же делом: перемещал предметы на правильное место.

В ушах у него снова и снова звучал голос Сэнди: «Единственная вещь, которая приводит в отчаяние больше, чем невозможность кого-то отыскать, – это когда не могут найти тебя. Я бы очень хотела, чтобы меня кто-нибудь нашел. Больше всего на свете хотела бы».

Он аккуратно установил груз на корабль и спустился вниз, где под удивленными взглядами коллег снял шлем, бросил его на землю и побежал прочь. Одни смотрели на него с недоумением, другие – со злостью, и только самые близкие из работавших с ним поняли, в чем дело. Они начали догадываться еще год назад: Джеку больше невмоготу сидеть на своем насесте высоко над землей. Так высоко, что кажется, будто видишь все графство и всех, кто его населяет. Всех, кроме брата.

Что же касается самого Джека, то он мчался к своей машине и думал лишь о том, что должен найти Сэнди. А уж она-то сумеет доставить Донала обратно, в то самое место, которое принадлежит ему и только ему.

Назойливые расспросы Джека о Сэнди Шорт в гостиницах и мотелях округи начали вызывать недоумение. Служащие, поначалу настроенные дружелюбно, становились все более раздражительными, а когда он пытался связаться по телефону с кем-нибудь из начальства, его все чаще обрывали, даже не дослушав. Теряясь в догадках – куда могла запропаститься Сэнди, – Джек вышел на берег Шеннона и глубоко вдохнул свежий речной воздух. Эта река играла в его жизни выдающуюся роль. С самого детства он хотел работать в Шеннон-Фойнс-Порт. Ему нравилась суматоха шумных доков с их машинами-монстрами, которые выстраивались вдоль берега, словно металлические цапли с длинными стальными ногами и клювами.

Он всегда ощущал свою связь с рекой и хотел быть причастным ко всему, что она трудолюбиво переносила на своих водах. Как-то родители вывезли семью на лето в Литрим, и эти каникулы запомнились Джеку как никакие другие. Донал тогда еще не родился, а Джеку не исполнилось и десяти лет. Именно тем летом он узнал, где берет начало широкая река, медленно и спокойно текущая по графству Каван, чтобы потом, вобрав в себя из прибрежной почвы все секреты окрестных земель, напитавшись их духом, устремиться вперед все быстрей и быстрей. Ее притоки, словно артерии, связавшие ее с самым сердцем страны, загадочно и возбужденно журча, нашептывали ей свои тайны, а она принимала их и несла дальше, в Атлантический океан, где они растворялись и терялись без следа – вместе со всеми надеждами и сожалениями большого мира. Это было похоже на игру в «испорченный телефон», когда тихий и еле различимый шепот, усиливаясь от игрока к игроку, в устах последнего превращается в громкий крик. Так почти неслышный плеск, с каким свежеокрашенные деревянные лодки скользили по поверхности воды у городка Каррик-он-Шеннон, постепенно набирал мощь благодаря стальным громадам кораблей, лязганью высоченных кранов и яркой суматохе складов. Это и был Шеннон-Фойнс-Порт – место, где робкие речные звуки разрастались до грохота.

Джек бесцельно брел вниз по безлюдной дороге вдоль устья Шеннона, радуясь ее тишине и покою. Замок Глайна вскоре исчез за деревьями. Вспышка яркого красного света озарила зеленоватое небо над темной зоной, которая когда-то использовалась как автостоянка, а теперь превратилась в место прогулок и

наблюдений за птицами. Бетонное покрытие стало неровным, белые линии на нем выцвели, а сквозь многочисленные трещины пробивалась трава. Там приткнулась старая красная «фиеста» – побитая, исцарапанная, давно растерявшая весь свой блеск. Джек резко остановился, сразу же узнав машину, которая прошлым утром у автозаправки проглотила длинноногую красавицу, словно хищная мухоловка.

Его сердце забилось быстрее, и он огляделся вокруг, надеясь увидеть девушку, но вокруг не было ни души. На приборной доске пластиковый стаканчик с кофе, на пассажирском сиденье – сложенные стопкой газеты, рядом – полотенце… Воображение Джека неожиданно забурлило. Может, она совершает пробежку где-то неподалеку? Он отошел, опасаясь, что она застанет его у машины, пялящимся в окна. Удивительное совпадение – вторая встреча в другой, но тоже пустынной местности – пробудило любопытство, которое мешало ему развернуться и уйти. И возможность еще раз крикнуть ей «Привет!» наполняла его радостью, особенно желанной в такой неудачный день, как сегодня.

После сорокапятиминутного ожидания на Джека навалились огорчение и разочарование. Машина выглядела так, будто проторчала на пустыре много лет, но он-то точно знал, что еще вчера утром она катилась себе по дороге. Он подошел поближе и прижался лицом к стеклу.

Сердце его едва не остановилось. Он покрылся гусиной кожей, по телу пробежала дрожь.

На приборной доске, рядом со стаканчиком кофе и мобильным телефоном, на экране которого мигало напоминание о пропущенных вызовах, лежала толстая коричневая папка. Сделанная четким почерком надпись на обложке гласила: «Донал Раттл».

Глава шестнадцатая

Носком ботинка я как бы случайно ударила по блюду, на котором раньше лежало шоколадное печенье, и по поляне разнеслось громкое эхо. На усыпанной хвоей почве лежали в ленивых позах четыре спящих тела, и храп Бернарда набирал силу с каждой минутой. Я глубоко вздохнула, ощущая себя несносной девочкой-

подростком, ошалевшей от гормонов и не знающей, куда себя девать. Хелена, с которой за последний час мы не обменялись ни словом, приподняла брови и недоуменно посмотрела на меня, стараясь показать, будто не замечает моих мучений, хотя было видно, что они ее забавляют. За прошедший час я уже «случайно» задевала фарфоровый чайник, роняла на Джоану пачку печенья и довольно громко кашляла. Но они продолжали спать, а Хелена ни за что не хотела проводить меня или хотя бы подсказать дорогу туда, где за лесом начиналась другая жизнь.

Услышав вдали смех, я попыталась сама выбраться из леса, но, потыкавшись в стройные ряды совершенно одинаковых сосен, в конце концов решила, что хватит с меня того, что я потерялась один раз. Заблудиться снова, тем более в таких обстоятельствах, было бы верхом глупости.

– Сколько они обычно спят? – громко и раздраженно спросила я, надеясь, что мой голос их потревожит.

– Не меньше восьми часов.

– А они едят?

– Три раза в день, и довольно плотно. Дважды в сутки я их выгуливаю. Бернард предпочитает поводок. – Хелена рассеянно улыбнулась, словно что-то припоминая. – Ну и, разумеется, время от времени я их по очереди вычесываю, – заключила она.

– Я имела в виду, собираются ли они завтракать здесь, – сказала я, с отвращением озирая поляну и уже не думая о том, как бы не оскорбить их традицию ежегодного юбилейного пикника. Сдерживать возбуждение не получалось, но мне не нравилось, когда меня на этом ловили. Обычно я поступала в жизни, как хотела, не оглядываясь на окружающих. Даже в доме собственных родителей никогда не задерживалась надолго: едва приехав погостить, хватала сумку и убегала. Но здесь бежать было некуда.

Где-то вдалеке снова раздался смех.

– Что это за шум?

– По-моему, люди называют это смехом. – Сидя на спальном мешке, Хелена казалась непринужденной и одновременно собранной.

– У вас часто бывают проблемы в отношениях с людьми?

– А у вас?

– Да, – твердо ответила я, а она улыбнулась.

Я перестала хмуриться.

– Просто я просидела в этом лесу уже два дня.

– Это извинение?

– Обычно я не извиняюсь. Только если действительно есть за что.

– Вы мне напоминаете меня саму, когда я была молодой. Моложе то есть. Потому что я все еще молодая. Что же вас в вашем юном возрасте так раздражает?

– Я чувствую себя некомфортно в обществе людей. – Я снова услышала обрывок смеха и оглянулась.

Хелена продолжила как ни в чем не бывало:

– Ну, конечно, вам некомфортно с людьми. Вы ведь тратите большую часть своего времени на их розыск.

Я решила не реагировать на это заявление.

– Вы что, не слышите эти звуки?

– Я выросла возле железнодорожной станции. Когда друзья оставались у меня ночевать, они спать не могли из-за шума. А я так привыкла, что ничего не слышала. Зато от скрипа деревянных ступенек, по которым родители поднимались утром ко мне в спальню, сразу просыпалась. Вы замужем?

Я удивленно вытаращила глаза.

– Будем считать, что это означает «нет». У вас есть друг?

– Временами.

– А дети?

– Дети меня не интересуют. – Я потянула носом воздух. – Чем это пахнет? И кто это смеется? Рядом кто-то есть?

Я безостановочно вертела головой, как собака, пытающаяся поймать муху. Я не могла понять, откуда прилетают все эти звуки. Стоило мне подумать, что они раздаются где-то за спиной и обернуться, как звук тут же менял направление.

– Они повсюду, – лениво пояснила Хелена. – Новенькие обычно сравнивают это со стереосистемой. Наверное, вам это сравнение понятнее, чем мне.

– Кто производит весь этот шум? И кто здесь курит сигару? – Я снова потянула воздух носом.

– Вы задаете много вопросов.

– А вы не задавали, когда очутились здесь? Хелена, я не знаю, где нахожусь и что происходит, а вы даже не пытаетесь мне помочь.

Наконец-то она спохватилась и смущенно вскинула ресницы.

– Извините. Забыла, как это бывает. – Она замолчала, прислушиваясь к звукам. – Смех и эти запахи – часть здешней атмосферы. Кстати, что вам известно о людях, которые оказываются здесь?

– Что они пропали без вести.

– Вот именно. Точно так же сюда попадают исчезнувшие смех, плач и запахи.

– Как это? – спросила я, окончательно растерявшись.

– Иногда у людей пропадает нечто большее, чем носки, Сэнди. Вы можете просто забыть, куда их положили. Когда вы что-то забываете – это как бы пропажа частички вашей памяти, вот и все.

– Но можно же потом вспомнить.

– Конечно. Только нельзя вспомнить все. И вам не удается найти все вещи. Те, что вы не находите, как раз и попадают сюда. Так же как и чье-то прикосновение или запах, точное воспоминание о чьем-то лице или звуке голоса.

– Странно, – покачала я головой, не в состоянии осмыслить услышанное.

– На самом деле все очень просто, если объяснять это таким образом. Подумайте, у всего на свете есть собственное место, и, когда вещь его покидает, она неизбежно должна оказаться где-то еще. Здесь как раз и находится то самое место, куда переходят такие вещи. – Она широко развела руки, чтобы обозначить все, что нас окружало.

Неожиданно меня озарила догадка.

– И вам удалось услышать собственный смех или слезы?

Хелена печально кивнула:

– Очень часто.

– Очень часто? – изумленно переспросила я.

Она улыбнулась:

– Понимаете, мне повезло – меня любило много людей. А чем больше людей тебя любит, тем больше частичек их памяти попадает сюда. Не делайте такое лицо, Сэнди. Все не так безнадежно, как кажется. Люди вовсе не хотят утрачивать память. Хотя, конечно, есть вещи, которые мы предпочли бы забыть. – Она подмигнула мне. – Вполне возможно, что настоящий звук моего смеха подменило

новое воспоминание о нем. Или же мой запах, оставшийся в спальне или на одежде, запах, который они так старались запомнить, стал другим через несколько месяцев после моего исчезновения, потому что память о нем все же утрачена. Подозреваю, что мое сегодняшнее представление о мамином лице сильно отличается от ее действительного облика. Но ведь прошло сорок лет, и у меня ни разу не было возможности проверить свои воспоминания, – как же я могу быть в чем-то уверена? Нельзя навсегда удержать при себе все вещи, как за них ни цепляйся.

Я представила себе день, когда услышу проплывающий надо мной звук собственного смеха, и поняла, что со мной такое может произойти всего один раз. Потому что на свете существует лишь один человек, которому известен мой настоящий смех и плач.

– И точно так же, – Хелена подняла полные слез глаза к небу, которое стало уже совсем светлым, – иногда веришь, будто удалось схватить их и забросить обратно, туда, откуда они прилетели. Наша память – единственный контакт, который у нас сохранился. В памяти мы можем снова и снова обнимать и целовать близких, смеяться и плакать вместе с ними. Это самая главная наша ценность.

Сдавленный смех, свист, сопение и хихиканье просачивались сквозь воздух, вплывали с ветром в уши, легкий бриз доносил до нас слабые запахи – вроде с детства позабытого аромата родного дома или кухни, где весь день пекли пироги. Там был и улетучившийся из материнской памяти запах ее ребенка, ставшего взрослым: смесь детской присыпки, крема и сладко пахнущей леденцами младенческой кожи. И более старые, затхлые запахи вещей любимой бабушки или дедушки: бабушкиной лаванды, дедушкиной сигары, сигарет и трубки. Проплывали запахи бывших любовников: сладковатые духи и лосьон после бритья, аромат утреннего сонного забытья или же просто не поддающийся описанию слабый запах, который каждый оставляет за собой в доме. Личные ароматы столь же драгоценны, как и сами их владельцы. Все запахи, которые человек теряет за свою жизнь, собрались здесь. Я могла лишь прикрыть веки, и вдыхать их, и смеяться в ответ наплывающим на меня звукам.

Выводя меня из транса, зашевелилась в своем спальном мешке Джоана. Сердце снова громко забилось в предвкушении того, что я вот-вот увижу за лесом.

– Доброе утро, Джоана, – пропела Хелена так громко, что ей удалось заодно разбудить и Бернарда.

Он вскочил, поднял голову, пряди-макаронины упали с лысины и рассыпались. Он сонно огляделся, нащупывая рядом очки.

– Доброе утро, Бернард! – Громкое приветствие Хелены заставило открыть глаза и Маркуса с Дереком.

Я подавила смех.

– Ну вот, давайте, глоток хорошего горячего кофе, и вы окончательно проснетесь. – Она придвинула к ним дымящиеся кружки.

Они сонно и растерянно смотрели на нее. Не дав им сделать и по глотку, Хелена сбросила одеяло и вскочила на ноги.

– Ладно, хватит тянуть, пойдемте! – Она аккуратно сложила свое одеяло и принялась упаковывать посуду.

– Почему ты так громко разговариваешь и из-за чего вся эта суматоха? – полузадушенным голосом прошептала Джоана, подняв помятое сном лицо.

– Настал новый день, так что пейте быстрее кофе. Как только все будут готовы, мы отправляемся в путь.

– Зачем? – спросила Джоана, быстро отхлебывая кофе.

– А завтрак? – жалобно, словно ребенок, протянул Бернард.

– Позавтракаем, когда вернемся. – Хелена отобрала у него кружку, плеснула остаток кофе через плечо и засунула ее в сумку. Я упорно глядела в сторону, чтобы не расхохотаться.

– К чему такая спешка? – спросил Маркус. – Что-то случилось? – Он пристально смотрел на нее, все еще не до конца веря в мое присутствие.

– Все в порядке, Маркус. – Она заботливо положила ему руку на плечо. – Просто у Сэнди здесь дела, – улыбнулась она мне.

У меня дела?

– Ой, как здорово. Вы будете ставить пьесу? У нас так давно не было спектаклей, – возбужденно воскликнула Джоана.

– Надеюсь, вы раздадите нам тексты заранее, до прослушивания, чтоб мы могли подготовиться, – озабоченно произнес Бернард.

– Не беспокойтесь, – вскочила на ноги Хелена. – Она все сделает.

Я открыла рот, но Хелена подняла руку, останавливая мои возражения.

– А вы не хотите поставить мюзикл? – спросил Дерек, вешая на плечо гитару. – Было бы здорово поучаствовать в мюзикле!

– Вполне возможно, – произнесла Хелена, словно успокаивая ребенка.

– А групповые прослушивания будут? – слегка запаниковав, спросил Бернард.

– Нет-нет, – возразила Хелена, и я наконец-то догадалась, что она придумала. – Полагаю, Сэнди захочет позаниматься с каждым наедине. Ну, ладно, – она сняла с плеч Бернарда одеяло и стала складывать, а он застыл, разинув рот, – давайте быстренько соберемся и покажем Сэнди все, что тут есть. Ей нужно найти подходящее место для спектакля.

Через минуту Бернард и Джоана были готовы.

– Кстати, вылетело из головы, – прошептала Хелена. – Вы над чем-то работали, когда появились здесь?

– Что вы имеете в виду?

– Расследовали очередное дело? Может, шли по следу пропавшего человека? Это очень важный вопрос, а я позабыла его задать.

– И да, и нет, – ответила я. – Я совершала пробежку на берегу Шеннона, когда очутилась здесь, но причина, по которой я находилась в это время в Лимерике, связана с работой. Пять дней назад я как раз взялась за одно дело. – Я вспомнила ночной телефонный звонок Джека Раттла.

– Спрашиваю, чтобы понять, чем именно этот конкретный человек отличался от всех остальных пропавших, которых вы разыскивали, то есть что именно привело вас сюда. Вы тесно связаны с ним?

Я покачала головой, но подумала, что это не совсем правда. Ночные телефонные беседы с Джеком Раттлом сильно отличались от моего общения с остальными клиентами. Его звонкам я радовалась и с ним могла говорить о самых разных вещах, а не только о деле. Симпатия к Джеку заставляла меня работать усерднее, чтобы разыскать его брата. Кроме него, в моей жизни был только один человек, вызывавший похожие чувства.

– Как звали пропавшего?

– Донал Раттл, – ответила я, вспомнив задорные голубые глаза на фото.

Хелена задумалась.

– Хорошо, можем начать прямо сейчас. Кто-нибудь из вас знает Донала Раттла? – Она оглядела присутствующих.

Глава семнадцатая

Джек прошелся вдоль красного «форда-фиесты», испытывая смесь нетерпения, разочарования и волнения. В какой-то момент ему остро захотелось остановиться и сверлить взглядом окно у пассажирского сиденья до тех пор, пока дверь сама не откроется, чтобы тут же схватить папку и жадно проглотить ее всю до последней страницы. Потом он успокоился и снова стал расхаживать

взад-вперед, не удаляясь от машины. Он поглядывал по сторонам: вдруг Сэнди Шорт вернется. Как бы она не уехала без него.

Джек никак не мог поверить в то, что Сэнди Шорт и есть та женщина с автозаправки. Они прошли друг мимо друга, словно чужие, хотя, как и во время телефонных разговоров, он что-то такое почувствовал, увидев ее. Нечто, что связывало их. В тот момент он объяснил это тем, что они оказались вдвоем на абсолютно пустой бензоколонке в столь ранний час, но теперь знал, что эта связь гораздо прочнее. Кстати, и сейчас он наткнулся на нее в спрятанном от чужих глаз и пустынном месте. Что-то притягивало его к Сэнди. Что-то подсказывало, что с ней он сможет поговорить о Дональе. Итак, она все же прибыла в Глайн. Он ведь знал, что Сэнди его не бросит, и она действительно ехала сквозь ночь, как обещала. Найденный автомобиль только добавил новых вопросов. Если она побывала в Глайне, то куда подевалась в субботу, когда они договаривались встретиться?

Джек посмотрел на часы. Прошло три часа с тех пор, как он обнаружил машину, а она так и не появилась. В его измученной голове возник еще один, гораздо более важный вопрос: где Сэнди сейчас?

Он присел на разбитый бордюр неподалеку от машины и занялся тем, к чему за прошедший год привык. Стал ждать. И не собирался сдвинуться ни на дюйм, пока Сэнди Шорт не вернется к своему автомобилю.

Я следовала за группой между деревьями, и мое сердце стучало так громко, что я с трудом различала слова Бернарда, который без умолку рассказывал о своем многолетнем актерском опыте. Время от времени, ощутив на себе его взгляд, я кивала. К моему разочарованию, никакой реакции на имя Дональа не последовало: все просто пожали плечами и пробормотали: «Нет, не знаю». Однако сама я реагировала весьма бурно: стоило мне услышать, как Хелена произносит его имя, как все события начали обретать реальность. Возможно, скоро я увижу людей, поисками которых занималась долго-долго, годами.

Мне вдруг показалось, что вся моя жизнь представляла собой дорогу к этому мгновению. Бессонные ночи, нежелание сближаться с потенциальными друзьями, холодок в отношениях с родителями, которые меня любили, – все это сделало мою жизнь одинокой, но мне это даже нравилось. Одновременно она

была наполнена дружбой и отношениями с людьми, которых я никогда не встречала, но знала о них все: любимые цвета, имена лучших друзей, любимую музыку. И вот теперь я чувствовала, как с каждым шагом приближаюсь к давно утраченным приятелям, родителям, которых мне так не хватало, дядям, тетям и вообще всем членам семьи. Анализ нахлынувших эмоций привел меня к выводу, что я постепенно превратилась в полностью изолированный остров. Ни один из этих пропавших без вести, к которым я относилась с такой нежностью, даже не слышал обо мне. Когда их взгляд упадет на меня, они увидят абсолютно чужую женщину, тогда как моему взору откроется совсем иное. Несмотря на то что мы никогда не встречались, семейные фото с рождественских вечеринок, дней рождения и свадеб, первых школьных дней и первых балов прочно отпечатались в моей памяти. Я сидела с плачущими родственниками и изучала фотографии, которые они мне показывали, перелистывая альбом за альбомом. Но при этом не могла припомнить дня, когда бы делала то же самое с собственными родителями. Люди, ради которых я жила, даже не подозревали о моем существовании, а я не знала ничего о тех, кто жил ради меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сквозь тернии пробьюсь и поднимусь (лат.), девиз семьи Ахерн.

2

Один фут равен примерно 30,5 см, один дюйм – примерно 2,54 см.

3

Гарда шихана – ирландская полиция.

4

Сэнди Шорт: имя можно перевести как «рыжеволосая», фамилию – как «коротышка».

5

Айриш-кофе – кофе по-ирландски, горячий напиток из крепкого кофе, сахара, ирландского виски и взбитых сливок.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sesiliya-ahern/tam-gde-ty-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить